

Инновационная наука: Психология. Педагогика. Дефектология

Общая психология / Психология личности / Психофизиология / Педагогическая психология / Социальная психология / Возрастная психология / Коррекционная психология / Дефектология / Общая педагогика

Инновационная наука: Психология. Педагогика. Дефектология

Рецензируемый научный журнал

eISSN 2658-7165

Издается с 2017 года

Периодичность – 6 выпусков в год

DOI: 10.23947/2658-7165

Учредитель и издатель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (ДГТУ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Целью журнала является содействие распространению нового и актуального научного знания в области психологии, педагогики, дефектологии путем публикации научных работ, выполненных и подготовленных к публикации в соответствии с международными издательскими стандартами.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в котором должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК) по следующим научным специальностям:

- 5.3.1 – Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
- 5.3.2 – Психофизиология (психологические науки)
- 5.3.2 – Психофизиология (биологические науки)
- 5.3.4 – Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)
- 5.3.5 – Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки)
- 5.3.7 – Возрастная психология (психологические науки)
- 5.3.8 – Коррекционная психология и дефектология (психологические науки)
- 5.8.1 – Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

<i>Регистрация:</i>	Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77 – 71604 от 13 ноября 2017 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
<i>Индексация и архивация:</i>	РИНЦ, CyberLeninka
<i>Сайт:</i>	https://inov-ppd.ru
<i>Адрес редакции:</i>	344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1
<i>E-mail:</i>	inovppd@gmail.com
<i>Телефон:</i>	+ 7 (908) 506–19–06
<i>Дата выхода</i>	27.12.2024
<i>№ 6, 2024 в свет:</i>	

Innovative science: psychology, pedagogy, defectology

Peer-reviewed scientific journal

eISSN 2658-7165

Published since 2017

Periodicity – 6 issues per year

DOI: 10.23947/2658-7165

Founder and Publisher – Don State Technical University (DSTU), Rostov-on-Don, Russian Federation

The purpose of the journal lies in the contribution to improving the quality of scientific research in the fields of psychology, psycholinguistics, pedagogy, and defectology. Our impact is made by publishing scientific works, written and prepared in accordance with international standards.

The journal is included in the List of the leading peer-reviewed scientific publications (Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation), where basic scientific results of dissertations for the degrees of Doctor and Candidate of Science in scientific specialties and their respective branches of science should be published.

The journal publishes articles in the following fields of science:

- General psychology, personality psychology, history of psychology (psychological sciences)
- Psychophysiology (psychological sciences)
- Psychophysiology (biological sciences)
- Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments (psychological sciences)
- Social psychology, political and economic psychology (psychological sciences)
- Age psychology (psychological sciences)
- Correctional Psychology and Defectology (psychological sciences)
- General pedagogy, history of pedagogy and education (pedagogical sciences)

<i>Registration:</i>	Mass media registration certificate ЭЛ № ФС 77 – 71604 dated 13 November, 2017 issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
<i>Indexing and Archiving:</i>	RISC, CyberLeninka
<i>Website:</i>	https://inov-ppd.ru
<i>Address of the Editorial Office:</i>	1, Gagarin sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation
<i>E-mail:</i>	inovppd@gmail.com
<i>Telephone:</i>	+ 7 (908) 506–19–06
<i>Date of publication No. 6, 2024:</i>	27.12.2024

Главный редактор, Ирина Владимировна Абакумова, доктор психологических наук, профессор, академик РАО, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Заместитель главного редактора, Павел Николаевич Ермаков, доктор биологических наук, профессор, академик РАО, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Редакционный совет

Алла Константиновна Белоусова, доктор психологических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Валерий Павлович Белянин, доктор филологических наук, профессор, Университет Торонто (Торонто, Канада);

Ася Суреновна Берберян, доктор психологических наук, профессор, Российско-армянский (славянский) университет (Ереван, Армения);

Марина Блувштейн, доктор философских наук, профессор, Центр адлеровской практики и исследований в Университете Адлера (Чикаго, США);

Евгений Федорович Бороховский, доктор психологических наук, доцент, университет Конкордия (Конкордия, Канада);

Владимир Пантелеймонович Борисенков, доктор педагогических наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация);

Ольга Владимировна Гукаленко, доктор педагогических наук, профессор, Институт стратегии развития образования РАО (Москва, Российская Федерация);

Юрий Петрович Зинченко, доктор психологических наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация);

Лазарь Стошич, доктор технических наук, профессор, университет UNION Nikola Tesla (Белград, Сербия).

Редакционная коллегия

Валентина Владимировна Абраухова, доктор педагогических наук, профессор Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Виталий Вадимович Бабенко, доктор биологических наук, профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Зинаида Игоревна Березина, доктор психологических наук, доцент, Ростовский государственный медицинский университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Вера Александровна Лабунская, доктор психологических наук, профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Елена Викторовна Воробьева, доктор психологических наук, профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Татьяна Ивановна Власова, доктор педагогических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Максим Николаевич Дмитриев, кандидат медицинских наук, доцент, Ростовский государственный медицинский университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Александр Викторович Дятлов, доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Надежда Федоровна Ефремова, доктор педагогических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Лаура Цраевна Кагермазова, доктор психологических наук, профессор, Чеченский государственный педагогический университет (Грозный, Российская Федерация);

Анатолий Викторович Карпов, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова (Ярославль, Российская Федерация);

Ирина Александровна Кибальченко, доктор психологических наук, профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Лариса Михайловна Кобрин, доктор педагогических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Анжелика Ильинична Лучинкина, доктор психологических наук, профессор, Крымский инженерно-педагогический университет (Симферополь, Российская Федерация);

Татьяна Викторовна Лисовская, доктор педагогических наук, профессор, Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка (Минск, Белоруссия);

Наталья Александровна Лызь, доктор педагогических наук, профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Евгений Ефимович Несмеянов, доктор философских наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Ольга Савельевна Мавропуло, кандидат педагогических наук, доцент, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Елена Александровна Макарова, доктор психологических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Елена Валерьевна Муругова, доктор филологических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Влада Игоревна Пищик, доктор психологических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Марина Леонидовна Скуратовская, доктор педагогических наук, доцент, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Ольга Дмитриевна Федотова, доктор педагогических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Лариса Александровна Цветкова, доктор психологических наук, доцент, Высшая школа экономики (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Любовь Яковлевна Хоронько, доктор педагогических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Татьяна Николаевна Щербакова, доктор психологических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация).

Выпускающий редактор, Евгений Александрович Проненко, кандидат психологических наук, доцент, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Ответственный секретарь, Диана Валерьевна Запорожец, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Переводчик, Влада Романовна Старыгина;

Литературный редактор, Маргарита Евгеньевна Беликова, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация).

Editor-in-Chief, Irina V. Abakumova, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Deputy Editor-in-Chief, Pavel N. Ermakov, Dr.Sci. (Biology), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Editorial Board

Alla K. Belousova, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Valery P. Belyanin, Dr.Sci. (Philology), Professor, University of Toronto (Toronto, Canada);

Asya S. Berberyan, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Russian Federationn-Armenian University (Erevan, Armenia);

Marina Bluvstein, Dr.Sci. (Philosophy), Professor, Center for Adlerian Practice and Research at Adler University (Chicago, USA);

Evgeny F. Borokhovskiy, Dr.Sci. (Psychology), Associate Professor, Concordia University (Concordia, Canada);

Vladimir P. Borisenkov, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Moscow, Russian Federation);

Olga V. Gukalenko, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Institute for Education Development Strategy of the Russian Federationn Academy of Education (Moscow, Russian Federation);

Yuri P. Zinchenko, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Moscow, Russian Federation);

Lazar Stosic, Dr.Sci., Professor, Faculty of Management, Sremski Karlovci, University UNION Nikola Tesla, (Belgrade, Serbia).

Editorial Board

Valentina V. Abraukhova, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Vitaly V. Babenko, Dr.Sci. (Biology), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Zinaida I. Berezina, Dr.Sci. (Psychology), Associate Professor, Rostov State Medical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Vera A. Labunskaya, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Elena V. Vorobyeva, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Tatiana I. Vlasova, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Maxim N. Dmitriev, Cand.Sci. (Medicine), Associate Professor, Rostov State Medical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Alexander V. Dyatlov, Dr.Sci. (Sociology), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Nadezhda F. Efremova, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Laura T. Kagermazova, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Chechen State Pedagogical University (Grozny, Russian Federation);

Anatoly V. Karpov, Dr.Sci. (Psychology), Professor, P.G. Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russian Federation);

Irina A. Kibalchenko, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Larisa M. Kobrina, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Pushkin Leningrad State University (Saint Petersburg, Russian Federation);

Angelika I. Luchinkina, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Crimean Engineering and Pedagogical University the name of Fevzi Yakubov (Simferopol, Russian Federation);

Tatiana V. Lisovskaya, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Belarusian state pedagogical university named after Maxim Tank (Minsk, Belarus);

Natalia A. Lyz, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Evgeny Ye. Nesmeyanov, Dr.Sci. (Philosophy), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Olga S. Mavropulo, Cand.Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Elena A. Makarova, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Elena V. Murugova, Dr.Sci. (Philology), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Vlada I. Pischik, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Marina L. Skuratovskaya, Dr.Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Olga D. Fedotova, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Larisa A. Tsvetkova, Dr.Sci. (Psychology), Associate Professor, Herzen State Pedagogical University of Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation);

Lyubov Ya. Khoronko, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Tatiana N. Shcherbakova, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation).

Executive Editor, Evgeny A. Pronenko, Cand.Sci. (Psychology), Associate Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Responsible secretaries, Diana V. Zaporozhets, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Translator, Vlada R. Starygina;

Literary editor, Margarita E. Belikova, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation).

Содержание

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

- Тренинг как эффективное средство адаптации курсантов к условиям
служебной деятельности 9

Евгения Н. Рядинская, Вахтанг В. Волобуев

- Влияние продолжительности ремиссии зависимого родственника
на проявление созависимого поведения в семье 17

Александр П. Игнатенко, Елена М. Азарко

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- The Effect of National Identity and Collective Victimhood on South Koreans’
Perception of Trilateral Cooperation 27

Jungbin Lim, Dongkyu Kim

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Особенности социального интеллекта подростков с различными типами
виктимного поведения 35

Елена Ю. Кольчик

КОРРЕКЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ДЕФЕКТОЛОГИЯ

- Сходства и различия коррекционной работы с детьми с кохлеарным
имплантом и детьми с сенсорной алалией 46

Елена В. Гришина

Contents

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY, HISTORY OF PSYCHOLOGY

Training as an Effective Means of Cadets' Adaptation to Service Conditions 9
Evgenia N. Ryadinskaya, Vakhtang V. Volobuev

**Influence of the Duration of Remission of an Addicted Relative
on the Manifestation of Co-Dependent Behavior in the Family** 17
Alexander P. Ignatenko, Elena M. Azarko

SOCIAL PSYCHOLOGY, POLITICAL AND ECONOMIC PSYCHOLOGY

**The Effect of National Identity and Collective Victimhood on South Koreans'
Perception of Trilateral Cooperation** 27
Jungbin Lim, Dongkyu Kim

AGE PSYCHOLOGY

**Features of Social Intelligence of Adolescents with Different Types
of Victimization Behavior** 35
Elena Y. Kolchik

CORRECTIONAL PSYCHOLOGY AND DEFECTOLOGY

**Similarities and Differences of Correctional Work with Children with Cochlear
Implant and Children with Sensory Alalia** 46
Elena V. Grishina

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY, HISTORY OF PSYCHOLOGY

Check for updates

УДК 159.923.2

Оригинальное эмпирическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-6-9-16>

HFETPL

Тренинг как эффективное средство адаптации курсантов к условиям служебной деятельности

Евгения Н. Рядинская , Вахтанг В. Волобуев
Донбасская аграрная академия, г. Макеевка, Российская Федерация
 muchalola@mail.ru

Аннотация

Введение. В современных условиях политического и экономико-социального дисбаланса все более острой становится проблема повышения уровня профессионализма кадрового состава органов внутренних дел. Формирование личности сотрудника как профессионала осуществляется в процессе его адаптации в рамках оперативно-служебной деятельности. Трудности в профессиональной адаптации в первую очередь характерны для курсантов и выпускников учреждений высшего образования МВД. Адаптация курсантов к условиям работы и службы в МВД является динамично сложным и многоплановым процессом, включающим адаптацию как к новым формам обучения, так и в новой социальной среде – профессиональной группе. Поэтому курсанты, как никто другой, нуждаются в правильной организации процесса их адаптации к своей профессиональной деятельности. Новизна исследования заключается в разработке и апробации тренинговой программы, направленной на оптимизацию социально-психологической адаптации к учебно-служебной деятельности, в результате которой курсант начинает самостоятельно выстраивать перспективу своего будущего, формулировать личные и профессиональные планы. **Цель.** Изучение влияния разработанной тренинговой программы на адаптацию курсантов к условиям учебно-служебной деятельности.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 30 курсантов-первокурсников города Донецка, распределенных в экспериментальную и контрольную группы. Для диагностики курсантов применялись следующие методики: «Многоуровневый личный опросник Адаптивность» А. Г. Маклакова и С. В. Чермянина; методика «САН» В. А. Доскина, Н. А. Лаврентьевой, В. Б. Шарай, М. П. Мирошникова; методика диагностики межличностных отношений Т. Лири.

Результаты исследования. Установлено, что после проведения тренинговой программы «Я – курсант», курсанты проявляют лучшую адаптированность в сравнении с курсантами, с которыми программа не проводилась, что свидетельствует о том, что для последних период обучения и службы достаточно сложен. Дается описание тренинговой программы и анализ результатов ее влияния на уровень адаптации у курсантов.

Обсуждение результатов. Сравнительный анализ контрольной и экспериментальной групп показал, что тренинговая программа «Я – курсант» способствует улучшению уровня адаптированности курсантов к условиям служебной деятельности и обучения. Они стали демонстрировать лучшее знание себя и окружающих, улучшилось самочувствие, активность и настроение. Также после применения специальных упражнений снизился уровень агрессии и враждебности. Полученные данные могут применяться психологами служебной деятельности в консультативной и коррекционной работе с личным составом.

Ключевые слова: адаптация курсантов, служебная деятельность, адаптационный тренинг, эмоциональное состояние курсантов, взаимоотношения в малых группах

Для цитирования. Рядинская, Е. Н., и Волобуев, В. В. (2024). Тренинг как эффективное средство адаптации курсантов к условиям служебной деятельности. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 7(6), 9–16. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-6-9-16>

Training as an Effective Means of Cadets' Adaptation to Service Conditions

Evgeniya N. Ryadinskaya , Vakhtang V. Volobuev

Donbas Agrarian Academy, Makeyevka, Russian Federation

 muchalola@mail.ru

Abstract

Introduction. In modern conditions of political and economic-social imbalance the problem of increasing the level of professionalism of personnel of internal affairs bodies is becoming more and more acute. Formation of an employee's personality as a professional is carried out in the process of his adaptation in the framework of operational-service activity. Difficulties in professional adaptation are primarily characteristic of cadets and graduates of higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs. Adaptation of cadets to the conditions of work and service in the Ministry of Internal Affairs is a dynamically complex and multidimensional process, including adaptation both to new forms of training and in a new social environment – professional group. Therefore, cadets, as no one else, need the correct organization of the process of their adaptation to their professional activity. The novelty of the study lies in the development and approbation of a training program aimed at optimizing the socio-psychological adaptation to training and service activities, as a result of which the cadet begins to independently build a perspective of his future, formulate personal and professional plans.

Objective. To study the influence of the developed training program on cadets' adaptation to the conditions of training and service activity.

Materials and Methods. The study involved 30 freshmen cadets of Donetsk city, distributed in the experimental and control groups. The following methods were used for diagnostics of cadets: "Multilevel personal questionnaire Adaptability" by A. G. Maklakov and S. V. Chernyanin; "SUN" technique by V. A. Doskin, N. A. Lavrentieva, V. B. Sharay, M. P. Miroshnikov; T. Leary interpersonal relations diagnostic technique.

Results. It is established that after the training program "I am a cadet", cadets show better adaptability in comparison with the cadets with whom the program was not conducted, which indicates that for the latter the period of training and service is quite difficult. The description of the training program and the analysis of the results of its influence on the level of adaptation of cadets are given.

Discussion. Comparative analysis of the control and experimental groups showed that the training program "I am a cadet" helps to improve the level of cadets' adaptation to the conditions of service activity and training. They began to demonstrate better knowledge of themselves and others, their well-being, activity and mood improved. Also after application of special exercises the level of aggression and hostility decreased. The obtained data can be used by psychologists of service activity in counseling and correctional work with personnel.

Keywords: adaptation of cadets, service activity, adaptation training, emotional state of cadets, relationships in small groups

For Citation. Ryadinskaya, E. N., & Volobuev, V. V. (2024). Training as an effective means of cadets' adaptation to service conditions. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*, 7(6), 9–16. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-6-9-16>

Введение

В период мирового политического и экономико-социального дисбаланса все более острой становится проблема повышения уровня профессионализма кадрового состава органов внутренних дел. Важным становится наличие в структуре личности диспозиционных образований, отвечающих специфике профессиональной деятельности (Налчаджян, 2017). Формирование сотрудника как профессионала в соответствии с этими требованиями осуществляется в процессе его профессиональной адаптации в рамках оперативно-служебной деятельности (Рядинская и др., 2023).

Анализ отечественных и зарубежных авторов показывает, насколько сложно и противоречиво осуществляется профессиональная адаптация (Беляева, 2001). Это непростой процесс, заключающийся во вхождении специалиста в профессию одновременно с гармонизацией его взаимодействий с профессиональной средой и деятельностью (Сивак и др., 2019). Так, Г. В. Агапова с коллегами в своих работах рассматривают первичный период адаптации курсантов к образовательной и профессиональной деятельности как один из важнейших этапов деятельности в целом, поскольку именно в этот период наступает процесс становления морально-политической и военно-профессиональной составляющей. Кроме того, в этот непростой отрезок жизни происходит формирование психологических качеств будущего офицера, формируются знания, умения и навыки к выполнению профессиональных задач и системных действий, закладываются пути решения новых проблем и вопросов, которые будут необходимы курсантам в дальнейшем для продуктивной деятельности в различных жизненных и профессиональных контекстах (Агапова и др., 2020).

Р. М. Шамянов и А. И. Сорокин делают акцент на взаимосвязи военной идентичности, ценностей и удовлетворенности службой в развитии ответственности курсантов. Авторы подчеркивают, что ответственное отношение

курсантов к служебной деятельности является важнейшей составляющей военной социализации и предлагают способы формирования роли военнослужащего (Шамионов и Сорокин, 2020). Исследуя проблемы адаптивности и мотивации достижения военнослужащих по контракту на первоначальном этапе службы, И. В. Пучка обосновывает разработанную профессиональную поведенческую модель, объединяющую приспособительную социальную эффективность (адаптацию) и стремление к успеху (мотивацию достижений) (Пучка, 2017). J. Raabe, R. A. Zakrajsek и J. G. Orme считали важным мотивационную составляющую и выделяли причины, а также виды мотивации службы в армии, отмечая их сложность и сочетание множество явных и скрытых факторов. Авторы показали, что курсанты выделяли высокий уровень вовлеченности и содействия своих наставников в своем самоопределении, а также собственную внутреннюю мотивированность на службе и удовлетворенность выбором. Однако, курсанты также отмечали недостаточную эмоциональную поддержку со стороны наставников (Raabe, Zakrajsek, Orme, 2020).

Иного подхода придерживаются Л. Е. Дерягина и С. В. Булатецкий. Изучая особенности физиологической и социально-психологической адаптации курсантов к условиям служебной деятельности, авторы выявили связь уровня социально-психологической адаптации курсантов и вегетативной регуляцией ритма сердца в ситуации суточного наряда. Ими зафиксировано, что у лиц с высоким уровнем адаптивности сформирована относительно автономная система регуляции ритма сердца, которая в силу независимости ее элементов характеризуется большей пластичностью и это облегчает ее приспособление к изменяющимся условиям служебной деятельности (Дерягина и Булатецкий, 2021).

М. А. Chacko, рассматривая диаду «студент-полицейский кадет», доказала взаимосвязь между семейными стратегиями, институциональной дифференциацией и социальным неравенством у кадетов. Автор продемонстрировала, что предварительное обучение курсантов в специализированных учреждениях способствовало снижению риска дезадаптации и эффективному усвоению роли командира отделения (Chacko, 2020). Трудности в профессиональной адаптации в первую очередь характерны для курсантов и выпускников учреждений высшего образования МВД. С первых дней службы их готовят к принятию присяги, а через месяц после ее принятия им доверяют боевое оружие. В этот значимый для них момент большинство курсантов еще не достигло совершеннолетия. В свои 17 лет, в период кризиса юношеского возраста, они становятся вполне ответственными за все свои поступки (Majid, 2002). Известно, что первый год службы является сложным для курсантов. Новые условия жизнедеятельности: подъем, зарядка, занятия по строевой и физической подготовки, переход на уставную форму отношений, жесткий контроль за поведением, разлука с родителями, казарменные условия, другое питание, новые друзья, коллеги, с которыми нужно считаться, а порой просто их терпеть, напряженное обучение – всё это оказывает психологическое воздействие на первокурсников, вызывая глубокие переживания и сомнения в правильности выбора жизненного пути (Hendry, 2013; Rooijen, 2012). В соответствии с этим, **цель** исследования заключается в изучении влияния разработанной тренинговой программы на адаптацию курсантов к условиям служебной деятельности.

Материалы и методы

Анализ результатов проведенного нами констатирующего эксперимента, подробно представленного в ранее опубликованном материале (Рядинская и др., 2023), показал, что на четвертом курсе уровень адаптированности у курсантов оказался выше среднего, на первом – ниже среднего. Это свидетельствует о том, что для курсантов первого курса период обучения достаточно сложен. Определено, что у курсантов первого курса агрессивность и враждебность находятся на высоком уровне, а показатели представления о себе реальном находятся на низком уровне (Рядинская и др., 2023). Поэтому в формирующем эксперименте участвовали 30 первокурсников-курсантов г. Донецка, которые были разделены пополам на экспериментальную (ЭГ) и контрольную (КГ) группы.

Для исследования адаптационных возможностей курсантов использовалась методика «Многоуровневый личный опросник Адаптивность» А. Г. Маклакова и С. В. Чермянина; для определения эмоционального состояния курсантов в период интенсивных психических и физических нагрузок – методика «САН» В. А. Доскина, Н. А. Лаврентьевой, В. Б. Шарай и М. П. Мирошникова; для исследования взаимоотношений в малых группах – методика диагностики межличностных отношений Т. Лири.

Результаты исследования

Для психологического сопровождения курсантов в период адаптации к службе разработана программа адаптационного тренинга «Я – курсант». Основной целью тренинга стала психологическая и социальная адаптация к вузовскому обучению, в результате которой курсант начнет самостоятельно выстраивать перспективу своего будущего, формулировать личные и профессиональные планы. Итак, задачи тренинга, особенно на первых занятиях, заключаются в создании условий, необходимых для активной самостоятельной и продуктивной работы над собой каждого участника. Отметим, что обучение курсантов может быть эффективным при реализации принципов дидактики развивающего обучения. Это означает, что процесс обучения должен быть не столько процессом передачи наглядных образцов, сколько процессом управления развитием личности. В программе использована совокупность социально-психологических мероприятий, направленных на решение проблемы адаптации курсантов к вузовским условиям учебы, жизни, досуга, принятием установок, норм, ценностей нового коллектива. С по-

мощью подобранных упражнений реализуется помощь курсантам в принятии новой социальной роли, приобщении к профессии, формировании привычки к новому коллективу и требованиям к повседневным обязанностям.

Программа адаптационных занятий включает несколько взаимосвязанных блоков: подготовительный, информационно-мотивационный, диагностический. Тренинг рассчитан на три дня и организован по типу «погружения». Продолжительность каждого дня занятий составляет 4 часа. Занятия построены в соответствии с основными требованиями, предъявляемыми к социально-психологическому тренингу, с применением различных психотехнических упражнений. В конце каждого дня и по итогам тренинга в целом необходимо организовывать «обратную связь». Таким образом, программа адаптационных занятий с элементами социально-психологического тренинга направлена на осмысление курсантами нового качества своей социальной роли; овладение способами и приемами организации учебной и внеучебной деятельности; осознание всех необходимых профессиональных и личностных качеств, коррекцию собственных планов в период обучения в вузе. Дополнительный эффект заключается в запуске механизмов группообразования, создании благоприятного психологического климата как в отдельных учебных группах, так и на факультете в целом.

Анализируя данные по методике «Многоуровневый личный опросник Адаптивность» А. Г. Маклакова и С. В. Чермянина, предназначенной для изучения адаптивных возможностей индивида на основе оценки некоторых психофизиологических и социально-психологических характеристик, отражающих интегральные особенности психического и социального развития, получены следующие результаты (таблица 1).

Таблица 1

Выраженность уровня адаптивности в ЭГ и КГ

Шкалы	КГ				ЭГ			
	до тренинга		после тренинга		до тренинга		после тренинга	
	н.с.	в.с.	н.с.	в.с.	н.с.	в.с.	н.с.	в.с.
ЛАП	1,7 ± 1,4	1,9 ± 1,2	1,8 ± 1,2	2,1 ± 1,3	2,5 ± 1,4	3,7 ± 2,4 *	2,9 ± 1,6	4,1 ± 2,4 *
НПУ	2,1 ± 1,3	2,5 ± 1,4	2,3 ± 1,1	2,7 ± 1,5	2,9 ± 1,6	4,1 ± 1,4	3,1 ± 1,8	4,5 ± 2,4
КС	1,5 ± 1,1	1,7 ± 1,2	1,7 ± 1,2	1,8 ± 1,3	3,1 ± 1,1	2,9 ± 1,1	3,4 ± 1,4	3,5 ± 1,0
МН	1,3 ± 1,0	1,8 ± 1,3	1,4 ± 1,1	2,1 ± 1,6	3,7 ± 2,1	3,1 ± 1,3	3,3 ± 1,9	3,3 ± 1,1

Примечание: достоверные различия на уровне $p \leq 0,05$.

После проведения тренинговой работы, следует указать, что курсанты имеют некоторые особенности, представленные в таблице 2.

Таблица 2

Выраженность самочувствия испытуемых до и после тренинга

Группа	Благоприятное состояние самочувствия		Неблагоприятное состояние самочувствия	
	до тренинга	после тренинга	до тренинга	после тренинга
ЭГ	47,6 %	58,3 %	52,4 %	41,7 %
КГ	42,8 %	54,4 %	57,2 %	45,6 %

Изучая представления исследуемых о себе (по методике Т. Лири), мы получили результаты, представленные в таблице 3.

Таблица 3

Выраженность объективного представления о себе по методике Т. Лири

Шкалы	1	2	3	4	5	6	7	8
ЭГ до тренинга								
Низкое адаптивное поведение	10,0 %	60,0 %	90,0 %	46,6 %	46,6 %	70,0 %	10,0 %	30,0 %
Умеренное адаптивное поведение	0,0 %	0,0 %	0,0 %	40,0 %	30,0 %	20,0 %	10,0 %	0,0 %
Высокое экстремальное поведение	43,3 %	33,3 %	10,0 %	10,0 %	20,0 %	10,0 %	80,0 %	53,3 %

Окончание таблицы 3

Шкалы	1	2	3	4	5	6	7	8
ЭГ до тренинга								
Экстремальное к патологии	26,6 %	0,0 %	0,0 %	0,0 %	0,0 %	0,0 %	0,0 %	16,6 %
ЭГ после тренинга								
Низкое адаптивное поведение	0,0 %	0,0 %	71,2 %	30,4 %	26,6 %	25,6 %	0,0 %	0,0 %
Умеренное адаптивное поведение	18,3 %	83,3 %	76,6 %	70,3 %	68,5 %	43,3 %	30,0 %	36,6 %
Высокое экстремальное поведение	37,9 %	23,3 %	16,6 %	0,0 %	3,3 %	33,3 %	65,9 %	59,6 %
Экстремальное к патологии	16,6 %	3,3 %	0,0 %	0,0 %	0,0 %	3,6 %	2,6 %	10,4 %
КГ до тренинга								
Низкое адаптивное поведение	23,1 %	40,0 %	45,8 %	56,6 %	49,6 %	60,9 %	11,5 %	40,0 %
Умеренное адаптивное поведение	10,9 %	12,7 %	0,0 %	43,7 %	31,4 %	28,6 %	11,5 %	0,0 %
Высокое экстремальное поведение	33,3 %	23,3 %	14,6 %	10,0 %	18,3 %	10,0 %	51,4 %	43,3 %
Экстремальное к патологии	16,6 %	0,0 %	0,0 %	0,0 %	0,0 %	0,0 %	0,0 %	19,6 %
КГ после тренинга								
Низкое адаптивное поведение	22,1 %	38,9 %	40,1 %	43,3 %	46,6 %	56,6 %	10,0 %	33,9 %
Умеренное адаптивное поведение	13,3 %	13,3 %	6,6 %	46,8 %	33,5 %	23,3 %	17,6 %	4,6 %
Высокое экстремальное поведение	21,7 %	17,3 %	11,5 %	0,0 %	13,3 %	3,3 %	47,3 %	36,1 %
Экстремальное к патологии	12,6 %	3,3 %	0,0 %	0,0 %	0,0 %	0,0 %	0,0 %	16,4 %

Примечание: 1 – авторитарный; 2 – эгоистичный; 3 – агрессивный; 4 – подозрительный; 5 – подчиняемый; 6 – зависимый; 7 – доброжелательный; 8 – альтруистический.

Обсуждение результатов

Интерпретируя данные уровня адаптивности курсантов обеих групп, можно отметить, что у курсантов экспериментальной группы (ЭГ) преобладают показатели среднего уровня по четырем шкалам: личный адаптивный потенциал, нервно-психическая устойчивость, коммуникативные способности, моральная нормативность в сравнении с результатами контрольной группы (КГ). Сравнивая полученные результаты по данным шкалам до и после тренинга, мы видим, что эти показатели улучшились. Так, после проведения тренинговой работы нервно-психическая устойчивость увеличилась более, чем на треть, а коммуникативные способности и моральная нормативность также в целом улучшились. Личностный адаптационный потенциал после проведения тренинга «Я – курсант», повысился до среднего уровня, что свидетельствует о том, что в ЭГ происходят значительные позитивные изменения.

Анализ же результатов КГ демонстрирует, что у курсантов по четырем категориям (личностный адаптационный потенциал, нервно-психическая устойчивость, коммуникативные способности, моральная нормативность) показатели достигают среднего уровня, что также говорит о положительных изменениях, но не столь выраженных и существенных. Эти данные согласуются с нашими ранними исследованиями, касающимися изучения адаптационных ресурсов личности в контексте ее трансформаций (Рядинская, 2017). В исследованиях автора показано, что после проведения тренинговой работы с населением, находящимся в сложных условиях жизнедеятельности, показатель адаптационного потенциала достоверно значимо увеличился. Также важным в контексте данного исследования является вывод автора о том, что после участия после проведения серии тренингов снизился уровень социальной изолированности. Интересным представляются результаты исследований Е. Н. Рядинской относительно изучения степени социальной изолированности (в т. ч. уровня коммуникативности). Автор конста-

тирует, что у большей части участников тренинга как мужского, так и женского пола, снизился уровень социальной изолированности в сравнении с мужчинами и женщинами, которые не принимали в нем участия. Полученные результаты согласуются с нашими выводами в разрезе изучения данной проблематики.

Что касается сравнения показателей эмоционального состояния курсантов до и после тренинга, можно констатировать, что в ЭГ наблюдаются значительные улучшения состояния и в половину уменьшилось количество курсантов с неблагоприятным самочувствием. Показатели самочувствия отражают поддержание активного динамического баланса между человеком и окружающей средой в ситуациях, требующих мобилизации ресурсов личности, что предполагается в служебной деятельности курсантов. Установлено, что после тренинговой работы условиях повышенных нагрузок у курсантов ЭГ уменьшилось общее недомогание, ощущение дискомфорта в различных частях тела, проявилось ощущение бодрости, хорошего самочувствия, преобладает положительный эмоциональный фон, что может способствовать построению и реализации общих жизненных планов, интересов и ожиданий. Анализ показателей КГ также демонстрирует, что в этой группе зафиксированы положительные изменения. Однако произошли они под влиянием мероприятий по воспитательной работе вуза и являются незначимыми по сравнению с изменениями, произошедшими у курсантов ЭГ, что подтверждает исследования некоторых авторов (Абакумова и Рядинская, 2017). И. В. Абакумова и Е. Н. Рядинская в своих работах доказали, что после участия в тренинговой работе у населения, проживающего в зоне вооруженного конфликта, наблюдалось улучшение самочувствия и настроения. Так, среди мужчин и женщин после участия в тренинге уменьшилось количество человек с неблагоприятным состоянием, хотя статистически значимых различий не было выявлено. Также были отмечены улучшения в настроении, возросла общая активность. Авторы объясняют данные улучшения, прежде всего, эффектом тренинга, поскольку участники включаются в игровые упражнения, проживают определенные ситуации, приобретая позитивный опыт, что может способствовать улучшению настроения и самочувствия.

Анализируя результаты по методике диагностики межличностных отношений Т. Лири, отметим, что после проведения с курсантами тренинговой программы «Я – курсант» в ЭГ наблюдаются улучшения по всем категориям: показатель «низкое адаптивное поведение» повысился, высокое экстремальное поведение снизилось, поведение, экстремальное к патологии также показало тенденции к снижению. Это свидетельствует о том, что в целом снизилась доминантность, эгоистичность, резкость и агрессивность, начали проявляться склонность к сотрудничеству, ответственность, отзывчивость. Что касается показателей КГ отметим, что они изменились незначительно.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в ЭГ после проведения тренинга происходят значительные позитивные изменения, в КГ же существенных изменений не зафиксировано. Это еще раз подтверждает выводы по результатам исследований показателей «адаптивного поведения» курсантов в образовательном процессе высшего командного училища (Сивак и др., 2019). Авторами были проанализированы предикторы субъективного благополучия курсантов в условиях образовательной среды и важнейшим фактором эмоциональной устойчивости назван фактор взаимодействия курсантов и преподавателей в процессе обучения. Кроме того, важным является определение ролевых предикторов, определяющих высокое ощущение субъективного благополучия курсантов, и тех, которые снижают его. Результаты контрольного эксперимента свидетельствуют об эффективности использования разработанного тренинга. Полученные данные согласуются с результатами ранее проведенных исследований о применении тренинга в контексте психологической помощи по повышению уровня адаптации к учебно-служебной деятельности курсантов (Аниськова, 2014; Горпинич, 2022).

Заключение. Вышеизложенное дает основание утверждать, что у курсантов, принимавших участие в тренинге, наблюдается улучшение уровня адаптированности к служебной деятельности и обучению. Перспективой дальнейших исследований является увеличение выборки для дальнейшей апробации тренинга, а также разработка методических рекомендаций по проведению программы.

Список литературы

- Абакумова, И. В., и Рядинская, Е. Н. (2017). Специфика индивидуально-психологических реакций личности, проживающей в зоне вооруженного конфликта. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, 33(7(256)), 177–181.
- Агапова, Г. В., Семоненко, Ю. Ф., и Махинов, И. И. (2020). Адаптация курсантов первых курсов военных вузов как один из этапов становления профессиональных офицерских кадров. *Воздушно-космические силы. Теория и практика*, 15, 41–51.
- Аниськова, Т. А. (2022). Технология педагогического сопровождения профессиональной адаптации курсантов женского пола к образовательному процессу ведомственного вуза. *Мир науки, культуры, образования*, 6(97), 7–9.
- Беляева, Л. А. (2001). Стратегии выживания, адаптации, преуспевания. *Социс*, 6, 44–53.
- Горпинич, А. А. (2014). Влияние занятий рукопашным боем в комплексе с психологическим тренингом на повышение уровня адаптации к учебно-служебной деятельности курсантов. *Слободжанский научно-спортивный вiсник*, 2(30), 39–42.
- Дерягина, Л. Е., и Булатецкий, С. В. (2021). Особенности социально-психологической и физиологической адаптации курсантов вуза МВД к условиям служебной деятельности. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, 13(3), 193–207. <https://doi.org/10.12731/2658-6649-2021-13-3-193-207>

Налчаджян, А. А. (1985). *Личность, групповая социализация и психическая адаптация*. АН АрмССР.

Пучка, И. В. (2017). Проблемы адаптивности и мотивации достижения военнослужащих по контракту на первоначальном этапе службы. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*, 4, 51–53.

Рядинская, Е. Н. (2017). Особенности адаптационных ресурсов мирных жителей, проживающих в зоне вооруженного конфликта, в контексте изучения трансформаций личности. *Клиническая и специальная психология*, 6(4), 105–124.

Рядинская, Е. Н., Волобуев, В. В., и Чабелец, Е. Н. (2023). Особенности адаптированности курсантов вузов МВД к условиям служебной деятельности. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*, 29(2), 178–183. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2023-29-2-178-183>

Сивак, А. Н., Перевозкина, Ю. М., и Федосеева, И. А. (2019). Предикторы субъективного благополучия курсантов в образовательном процессе высшего командного училища. *Перспективы науки и образования*, 2(38), 385–398.

Шамионов, Р. М., и Сорокин, А. И. (2020). Роль военной идентичности, ценностей и удовлетворенности службой в формировании ответственности курсантов. *Известия Саратовского университета*, 9(1(33)), 25–32.

Chacko, M. A. (2020). English-educated as “ready-made” leaders: re-inscribing distinction through the student police cadet project in Kerala, India. *South Asia: Journal of South Asian Studies*, 43(4), 775–792.

Majid, A. (2002) Educating ourselves into coexistence. *The Chronicle on Higher Education*, 12, 10.

Raabe, J., Zakrajsek, R. A., Orme, J. G, Readdy, T., & Crain, J. A. (2020). Perceived cadre behavior, basic psychological need satisfaction, and motivation of US Army ROTC cadets: A self-determination theory perspective. *Military Psychology*, 32(5), 398–409.

Van Rooijen, L. (1986). Advanced students’ adaptation to college. *Higher Education*, 15, 197–209.

References

Abakumova, I. V., & Ryadinskaya, E. N. (2017). Specificity of individual-psychological reactions of the personality living in the zone of armed conflict. *Scientific vedomosti Belgorod State University. Series: Humanities*, 33(7(256)), 177–181. (In Russ.)

Agapova, G. V., Semonenko, Y. F., & Makhinov, I. I. (2020). Adaptation of first-year cadets of military universities as one of the stages of formation of professional officer cadres. *Air and Space Forces. Theory and practice*, 15, 41–51. (In Russ.)

Aniskova, T. A. (2022). Technology of pedagogical support of professional adaptation of female cadets to the educational process of departmental higher education institution. *World of Science, Culture, Education*, 6(97), 7–9.

Belyaeva, L. A. (2001). Strategies of survival, adaptation, and success. *Sotsis*, 6, 44–53. (In Russ.)

Chacko, M. A. (2020). English-educated as “ready-made” leaders: re-inscribing distinction through the student police cadet project in Kerala, India. *South Asia: Journal of South Asian Studies*, 43(4), 775–792.

Deryagina, L. E., & Bulatetsky, S. V. (2021). Features of socio-psychological and physiological adaptation of cadets of the Ministry of Internal Affairs to the conditions of service activity. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, 13(3), 193–207. (In Russ.) <https://doi.org/10.12731/2658-6649-2021-13-3-193-207>

Gorpinich, A. A. (2014). Influence of hand-to-hand combat in complex with psychological training on the increase of adaptation level to training and service activity of cadets. *Slobozhanskyi naukovy-sportivnyi visnik*, 2(30), 39–42. (In Russ.)

Nalchajian, A. A. (1985). *Personality, group socialization and mental adaptation*. Armenian Academy of Sciences.

Majid, A. (2002) Educating ourselves into coexistence. *The Chronicle on Higher Education*, 12, 10.

Puchka, I. V. (2017). Problems of adaptability and achievement motivation of contract servicemen at the initial stage of service. *Vestnik Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 4, 51–53. (In Russ.)

Ryadinskaya, E. N. (2017). Features of adaptation resources of civilians living in the zone of armed conflict in the context of studying personality transformations. *Clinical and Special Psychology*, 6(4), 105–124. (In Russ.)

Raabe, J., Zakrajsek, R. A., Orme, J. G, Readdy, T., & Crain, J. A. (2020). Perceived cadre behavior, basic psychological need satisfaction, and motivation of US Army ROTC cadets: A self-determination theory perspective. *Military Psychology*, 32(5), 398–409.

Ryadinskaya, E. N., Volobuev, V. V., & Chabelets, E. N. (2023). Peculiarities of adaptability of cadets of higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs to the conditions of service activity. *Vestnik Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sotsiokinetics*, 29(2), 178–183. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2023-29-2-178-183>

Sivak, A. N., Perevozkina, Y. M., & Fedoseyeva, I. A. (2019). Predictors of subjective well-being of cadets in the educational process of a higher command school. *Perspectives of Science and Education*, 2(38), 385–398. (In Russ.)

Shamionov, R. M., & Sorokin, A. I. (2020). The role of military identity, values and service satisfaction in the formation of cadets’ responsibility. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta*, 9(1(33)), 25–32. (In Russ.)

Van Rooijen, L. (1986). Advanced students’ adaptation to college. *Higher Education*, 15, 197–209.

Об авторах:

Евгения Николаевна Рядинская, доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии, Донбасская аграрная академия (Российская Федерация, 286157, г. Макеевка, ул. Ленина, 87), [ORCID](#), muchalola@mail.ru

Вахтанг Вячеславович Волобуев, кандидат медицинских наук, член-корреспондент МАНПО, доцент кафедры психологии, Донбасская аграрная академия (Российская Федерация, 286157, г. Макеевка, ул. Ленина, 87), [ORCID](#), gooodpsychologist@gmail.com

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Evgeniya Nikolaevna Ryadinskaya, Dr. Sc. (Psychology), Associate Professor, Head of the Psychology Department, Donbas Agrarian Academy (87, Lenina str., Makeyevka, 286157, Russian Federation), [ORCID](#), muchalola@mail.ru

Vakhtang Vyacheslavovich Volobuev, Cand. Sc. (Medicine), Corresponding Member of IASPE, Associate Professor, Department of Psychology, Donbas Agrarian Academy (87, Lenina str., Makeyevka, 286157, Russian Federation), [ORCID](#), gooodpsychologist@gmail.com

Conflict of interest: the authors do not have any conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 30.09.2023

Поступила после рецензирования / Revised 07.06.2024

Принята к публикации / Accepted 12.10.2024

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY, HISTORY OF PSYCHOLOGY

УДК 159.972

Оригинальное эмпирическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-6-17-26>

PVHIVB

Влияние продолжительности ремиссии зависимого родственника на проявление созависимого поведения в семье

Александр П. Игнатенко , Елена М. Азарко

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

 Aliaksandrignatenko@gmail.com

Аннотация

Введение. Созависимость в статье рассмотрена как семейная проблема, где человек, находясь продолжительное время рядом с зависимым, научается подавлению своих чувств, мыслей и потребностей. Как следствие у него проявляется низкая самооценка, высокий уровень тревоги, агрессивность, недоверие к людям и миру. Связь созависимости с зависимостью рассмотрена на примере феномена усиления созависимой опеки во время учащения проявлений зависимости близкого родственника. Программа «12 шагов» как условие долгосрочной ремиссии у зависимого человека, по нашему мнению, является важным критерием снижения уровня созависимого поведения у его ближайших родственников.

Цель. Исследовать влияние продолжительности ремиссии зависимого родственника на уровень проявления созависимости в семье.

Материалы и методы. Методический инструментарий исследования включал авторскую анкету, тест Куна-Макпартленда «Кто Я?» (Модификация Т. В. Румянцевой), тест межличностной зависимости Р. Гиршфильда (адаптация О. П. Макушиной) и тест «Диагностика типа коммуникативной установки» В. В. Бойко. Обработка данных осуществлялась с помощью сравнения средних значений и одновыборочного t-критерия.

Результаты исследования. Эмпирическим объектом исследования являются люди, подверженные проблеме созависимого поведения ($n = 147$) и студенты психологического факультета в качестве контрольной группы ($n = 76$). В ходе исследования были получены данные о состоянии актуализированной созависимости в исследуемой группе с выраженной негативной установкой и высоким уровнем неуверенности в себе. Наряду с этим было подтверждено предположение о положительном влиянии долгосрочной ремиссии зависимого родственника на уровень проявления созависимости в семье.

Обсуждение результатов. Эмпирически доказано, что респондентам, подверженным проблеме созависимости, свойственна острая потребность в эмоциональной близости с другим и принятии со стороны окружающих. Это прослеживается в эмоциональном дискомфорте, который испытывают созависимые из-за предполагаемого отвержения. Также полученные результаты указывают на снижение уровня межличностной зависимости и рост рефлексии личности у респондентов, имеющих зависимого родственника в ремиссии более 10 лет. Кроме того, для родственников лиц, находящихся в ремиссии более продолжительное время, свойственно снижение негативной коммуникативной установки, что благоприятно сказывается на процессе общения, позитивном настрое к собеседнику, снижении контроля в коммуникации.

Ключевые слова: созависимое поведение, зависимый, ремиссия, родственники зависимого, группы самоподдержки

Для цитирования. Игнатенко, А. П., и Азарко, Е. М. (2024). Влияние продолжительности ремиссии зависимого родственника на проявление созависимого поведения в семье. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 7(6), 17–26. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-6-17-26>

Influence of the Duration of Remission of an Addicted Relative on the Manifestation of Co-Dependent Behavior in the Family

Alexander P. Ignatenko , Elena M. Azarko

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

 Aliaksandrignatenko@gmail.com

Abstract

Introduction. Co-dependence in the article is considered as a family problem, where a person, being close to the addict for a long time, learns to suppress his feelings, thoughts and needs. As a consequence, he/she shows low self-esteem, high level of anxiety, aggressiveness, distrust to people and the world. The connection between co-dependence and addiction is considered on the example of the phenomenon of increasing co-dependent care during the increase in the manifestations of dependence of a close relative. The “12 Steps” program as a condition for long-term remission in an addicted person, in our opinion, is an important criterion for reducing the level of co-dependent behavior in his or her close relatives.

Objective. To investigate the influence of the duration of remission of an addicted relative on the level of co-dependence manifestation in the family.

Materials and Methods. The methodological tools of the study included the author’s questionnaire, the Kuhn-McPartland test “Who am I?” (Modification by T. V. Rumyantseva), the interpersonal dependence test by R. Hirschfield (adaptation by O. P. Makushina) and the test “Diagnosis of the type of communicative attitude” by V. V. Boyko. Data processing was carried out by comparing mean values and one-sample t-criterion.

Results. The empirical object of the study is people exposed to the problem of co-dependent behavior ($n = 147$) and students of the Faculty of Psychology as a control group ($n = 76$). In the course of the study, the data on the state of actualized co-dependence in the study group with a pronounced negative attitude and high level of insecurity were obtained. Along with this, the assumption about the positive influence of long-term remission of a dependent relative on the level of co-dependence manifestation in the family was confirmed.

Discussion. It has been empirically proved that respondents subjected to the problem of co-dependence are characterized by an acute need for emotional closeness with another and acceptance from others. This can be traced in the emotional discomfort that co-dependents experience due to perceived rejection. Also, the obtained results indicate a decrease in the level of interpersonal dependence and an increase in personality reflection in respondents who have a co-dependent relative in remission for more than 10 years. In addition, the relatives of persons in remission for a longer period of time are characterized by a decrease in negative communicative attitudes, which favorably affects the process of communication, positive attitude towards the interlocutor, and a decrease in control in communication.

Keywords: co-dependent behavior, addict, remission, relatives of the addict, self-support groups

For Citation. Ignatenko, A. P., & Azarko, E. M. (2024). Influence of the duration of remission of an addicted relative on the manifestation of co-dependent behavior in the family. *Innovative Science: psychology, pedagogy, defectology*, 7(6), 17–26. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-6-17-26>

Введение

Принадлежность к обществу, желание любви, заботы, принятия, признания, одобрения другими – это важные потребности личности, а также неотъемлемые части социальной сферы жизнедеятельности человека. Однако нелегко обнаружить грань между здоровым функционированием и патологией в форме созависимого поведения. Дело в том, что приемлемые формы проявления проблемы зависимого поведения, такие как трудоголизм, любовная зависимость, пищевая зависимость, зависимость от денег, зависимость от власти, шопоголизм и т. п. могут встретить социальное одобрение и поддержку. При этом человек страдает от тех же самых механизмов, как и при социально неодобряемых видах зависимости. Термин «созависимость» стал упоминаться в научной литературе в 1970-е годы. Именно тогда химическая зависимость стала рассматриваться как проблема, затрагивающая всю семью (Артемцева, 2022). Сама формулировка «созависимость» была образована от термина «со-алкоголик», то есть «рядом с алкоголиком». Таким образом, приставка «со-» обращает внимание на взаимосвязь близкого родственника с проблемой зависимости (Артемцева 2022; Меринов, 2015).

В научной литературе выделяется три вида аддиктивного поведения. К химическим видам относят наркоманию, алкоголизм, токсикоманию, табакокурение и лекарственную зависимость. К биохимическим видам относят расстройство пищевого поведения (анорексию и булимию). К нехимическим видам относят компьютерную зависимость, гэмблинг, сексуальные перверсии, трудоголизм, селфхарм и т. д. В то же время в современной отечественной психологии проблема нехимических зависимостей рассмотрена недостаточно. Нехимические виды зависимостей не рассматриваются как серьезная социальная проблема. Данные виды могут выпадать из научного и терапевтического внимания из-за относительно незаметных последствий такого вида поведения. Это относится

к зависимости от работы, которая является социально одобряемой и может восприниматься как альтруистическое поведение, проявляемое на благо другого. Следовательно, можно предположить, что рядом с человеком, подверженным каждому из этих типов зависимости, присутствует свой созависимый (Кузьмичев, 2020).

Р. Сабби пишет, что созависимое поведение – это некоторое состояние человека со специфическими проявлениями в эмоциональной, психологической и поведенческой сфере. Данное состояние автор связывает с длительным нахождением личности в дисфункциональных условиях, с рассогласованием правил, что в прошлом препятствовало проявлению себя, своих чувств, мыслей и потребностей (Sabbi, 2010). И. А. Громова также описывает проблему созависимости как некоторое специфическое состояние человека, но делает акцент на продолжительных отношениях с зависимым другим (Громова, 2016). Н. Г. Артемцева считает созависимость формой поведения человека, которая объясняется зависимостью от другого. Она включает в себя пренебрежение и неприятие собственной личности и выражается в виде отчуждения от собственного Я, которое прогрессирует со временем и способствует развитию чувства стыда (Артемцева, 2022). К. Харком и А. Копелло указывают, что созависимость – это патологическое, а также аффективно окрашенное зависимое поведение, где объектом зависимости является другой. При этом суть зависимого поведения заключается в отказе от себя и сосредоточенности внимания на другом. При таком поведении с высокой долей вероятности происходит нарушение адаптации личности (Hurcom & Copello A, 2000).

А. Ю. Акопов рассматривает феномен созависимости с точки зрения социальной болезни. Сущность данного заболевания заключается в притяжении человека к личности другого, имеющего какую-либо зависимость (Артемцева, 2022). А. В. Мериновым предложен механизм, лежащий в основе созависимого поведения. Им вводится понятия первичного и вторичного симбиоза. В этих понятиях описывается устойчивая связь между матерью и ребенком как «первичный патологический симбиоз», а также связь между супругой и зависимым супругом как «вторичный патологический симбиоз» (Меринов, 2015). В. Д. Москаленко описывает проблему созависимости через пагубные черты близких членов семьи зависимого, образующиеся как специфическая реакция на зависимость другого. Она же пишет, что это определенное состояние, являющееся следствием длительного влияния семейной системы с любым дисфункциональным поведением (Москаленко, 2002).

Многие авторы указывают на положительную корреляцию между созависимостью и дисфункциональной семейной системой. В дисфункциональной семейной системе наблюдаются частые конфликты, пренебрежительные проступки и жестокое обращение к членам семьи, что происходит на регулярной основе и заставляет членов семьи адаптироваться к данным условиям. Данная адаптация может отражаться в виде слияния с другим, подавления своих потребностей, чувств, реакций, контроля другого и ситуаций и т. п. (Кузьмичев, 2020). Также созависимость можно определить как совокупность некоторых патологических симптомов, которые обнаруживаются у ближайшего окружения человека, страдающего зависимостью. Данные симптомы имеют последствия в виде нарушения здоровья и появлению новых болезненных форм их адаптации к разрушающему поведению зависимого (Благов и Демина, 2005). Кроме того, созависимость может рассматриваться как состояние хронического стресса из-за употребления алкоголя или наркотиков одного из члена семьи, что приводит к высоким рискам возникновения пограничных психических нарушений у представителей семьи зависимого (Кондратенко, 2020). Можно сказать, что зависимость – это семейная болезнь, которая затрагивает всю семейную систему в целом. При этом чаще созависимость возникает у матерей или супругов зависимого, однако другие близкие родственники также подвержены проблеме (Кондратенко, 2020). Е. А. Шитов пишет о том, что изменение поведения одного члена семьи обеспечит ответную реакцию других членов данной семейной системы. В пример он приводит ответную реакцию в виде депрессивных эпизодов членов семьи зависимого при выздоровлении больного зависимостью (Шитов, 2015).

Приведенные определения созависимости указывают на то, что данный феномен неизбежно связан с зависимостью, а важным условием его формирования является нахождение в ближайшем окружении зависимого. В современных исследованиях данные представления углубились. Большую значимость для формирования созависимых черт играет не продолжительность контакта с членом семьи, страдающим зависимостью, а контакт с данным человеком, когда он находится в состоянии измененного сознания, в том числе непостоянность нахождения зависимого человека в семье, что может быть более разрушительными для членов семьи, чем если бы он находился на постоянной основе (Bradshaw & Shumway, 2021). Условно выделяют два социальных пути при формировании созависимого поведения. Это родительская семья, где есть человек, страдающий какой-либо формой зависимого поведения. Тогда его разрушающее поведение сказывается на ближайшем окружении, в большей степени детях. Другой путь формирования созависимости является выстраивание близких отношений не менее 6 месяцев с зависимым партнером. То есть ключевым фактором для формирования созависимости является близкий человек с зависимым поведением (Асеева, 2014).

Также ряд авторов указывает на то, что зависимость и созависимость протекают параллельно. Усиление употребления у зависимого будет провоцировать скачки дисфункциональной опеки у созависимого. Ремиссия зависимого члена семьи будет положительно влиять на проявления созависимости и наоборот (Миненок 2020; Assalin, 2021). Часто в научной литературе, посвященной зависимому поведению, можно встретить утверждение, что окружающие зависимого человека близкие могут осознанно или неосознанно поддерживать его употребле-

ние, будучи созависимыми (Артемцева, 2022). Однако ответственность за употребление психоактивных веществ и последствия этого употребления, а также выздоровление или не выздоровление должен нести сам зависимый человек, потому как созависимые родственники и так берут большую часть ответственности за жизнь зависимого, что является симптомом созависимого поведения.

Из описанного выше можно заключить, что созависимость – это феномен, связанный с социальной сферой человека. Созависимость формируется в отношениях с дисфункциональным другим, а также проявляется в данных отношениях. Тогда в качестве симптомов, характерных для созависимости в отношениях можно выделить высокий уровень межличностной тревоги, негативное восприятие себя и других, приступы паники и невозможность переносить неопределенность в отношениях, неустойчивую самооценку, зависящую от отношения других, а также попытки контроля другого и значимых ситуаций (Пузырёва, 2012). Также стоит отметить, что семейная система, которая поддерживает созависимость, будет характеризоваться нарушениями в распределении власти, семейных правилах, а также в структуре семьи, в том числе возможностями адаптации семьи (Лисецкий и Литягина, 2014). В том числе такая семейная система будет характеризоваться авторитарным стилем воспитания, опекающим или попустительским, что способствует развитию зависимого поведения. Опекание будет проявляться в контроле другого, взятии ответственности за его жизнь, управлении ею. Собственные потребности, убеждения и цели воплощаются для другого. В свою очередь, попустительство раскрывается в другой крайности – эмоциональной и физической отстраненности от другого, отсутствии заботы, внимания и не проявлении ответственного поведения по отношению к другому (Артемцева, 2022; Лисецкий и Литягина, 2014).

В современное определение зависимости зачастую входит понятие хронического, рецидивирующего заболевания. Для него характерно компульсивное поведение зависимого и отрицание им пагубности такого поведения. Зависимость является первичным, хроническим, прогрессирующим и смертельным заболеванием (Karasar, 2020). Постепенно личность зависимого начинает подвергаться специфическим изменениям. Происходит деградация ценностной сферы зависимого, в том числе ценностей себя и своих действий. Объект зависимости становится на первое место, происходит рост агрессивности и при этом человек не может остановиться сам. Для наступления ремиссии и прекращения разрушающего поведения как один из методов используется реабилитационный подход программа «12 шагов» (Радионова, 2024). Программа включает в себя последовательность 12 этапов, направленных на моральное и эмоциональное развитие зависимого через осознание человеком своей зависимости как серьезного заболевания. В нее входят регулярные групповые встречи, выполнение психокоррекционных заданий, обмен опытом, оказание взаимной поддержки, общение с людьми, которые страдают такой же проблемой (Радионова, 2024).

Поскольку существует большое количество форм зависимого поведения, на основе 12-шаговой программы разработаны специфические подходы к каждому типу зависимости: «Анонимные алкоголики» или АА, «Анонимные наркоманы» или АН, «Анонимные сексоголики» или АС, «Анонимные перебедающие» или АП, «Анонимные игроки» или АИ, «Анонимные созависимые» или CODA, «Родственники алкозависимых» или Ал-Анон/Алатин, «Родственники наркозависимых» или Нар-Анон, «Анонимные должники» или АД и т. д. (Миненок, 2020). А.Ф. Минулина подтверждает эффективность 12-шаговых программ в реабилитации зависимых и делает акцент на терапевтическом эффекте социальной поддержки в группах зависимых (Минулина, 2018). Дж. Ф. Келли указывает на связь между долгосрочной ремиссией от употребления ПАВ и участия в группах самоподдержки 12 шагов (Kelly, 2020).

Следует учитывать, что существуют и альтернативные способы лечения зависимости, такие, как детоксикация, кодировка, работа с психотерапевтом, реабилитационные центры, гипноз, религиозные центры и т. д. Но зачастую данные методы лечения оказываются неэффективными, так как имеют ограниченный характер воздействия на зависимого, убирая его ответственность за собственное выздоровление. Также зависимость – это заболевание, которое затрагивает все сферы жизни человека: биологическую, психологическую, социальную и моральную. Большинство приведенных способов реабилитации зависимого работают только с биологической или психологической сферой, что также не является эффективными способами (Ковальчук, 2022).

Для членов семьи зависимого и его социального окружения видимым результатом выздоровления зависимого человека будет отсутствие им употребления. При этом многие авторы (Substance Abuse and Mental Health Services Administration (US) & Office of the Surgeon General (US), 2016; Da Costa & Oliveira-Monteiro, 2020) указывают на то, что употребление психоактивных веществ – это лишь видимая часть болезни. Также к симптомам зависимости относят нечестность с собой и окружающими, отрицание, перекрестные зависимости, неуправляемость в эмоциональной сфере и поведении, компульсивные поступки, низкую или завышенную самооценку, обострение параллельных психических расстройств, психосоматические проблемы со здоровьем. Хотя прекращение употребления является важным условием выздоровления зависимого человека, это не является единственным условием. Важно также изменение повторяющихся паттернов поведения (Василишин, 2022). Доказано, что семейное окружение играет важную роль в процессе выздоровления и реабилитации зависимого от ПАВ члена семьи. Это требует соблюдения ими действий, направленных на собственное выздоровление от созависимости (Шишкова, 2023). Но также это правило справедливо и в отношении к зависимому в ремиссии, так как проявления зависимости в трезвости способствуют проявлению внутрисемейной дисгармонии и страданию членов семьи, хотя это не

всегда учитывается. Мы исходим из того, что остановка в реабилитации приводит к рецидиву болезни, а значит, и рецидиву или усугублению проявлений созависимости у ближайших родственников. Цель выздоровления от зависимости можно сформулировать как становление зависимого человека в обществе как полноценного его члена, который умеет выстраивать взаимоотношения с членами своей семьи. В семьях, где присутствует большой зависимостью в активной стадии употребления или же ремиссии, но без выздоровления, начинают страдать окружающие его люди из-за проявлений его недуга, в том числе растет уровень тревоги (Громова, 2016). Исходя из этой взаимосвязи можно заключить, что работа с тревогой членов семьи будет приводить к здоровому функционированию семейной системы (Assalin, 2021).

Целью нашего исследования является выявление влияния продолжительности ремиссии зависимого родственника на уровень проявления созависимости в семье.

Материалы и методы

Методики исследования:

1) Авторская анкета, разработанная совместно с И. В. Абакумовой.

Для исследования использовались вопросы:

- Находится ли на данный момент зависимый родственник в ремиссии? Если да, то сколько времени?
- Имеете ли Вы проблему: зависимости; созависимости; зависимости и созависимости; нет.
- Есть ли у Вас зависимые члены семьи?
- Кем являетесь зависимому родственнику (степень родства)?
- Сколько времени Вы находитесь в проблеме зависимости родственника?
- Сколько, как долго, какое участие Вы принимаете в противодействии?
- Находитесь ли Вы в программе выздоровления 12 Шагов (АН, АА, Ал-Анон, Нар-Анон и т.д.), если да, то сколько времени?

- Как часто Вы взаимодействуете с зависимым?

- Находится ли на данный момент зависимый родственник в ремиссии? Если да, то сколько времени?

- Считаете ли Вы себя созависимым?

2) Тест Куна-Макпатрленда «Кто Я?» (Модификация Т. В. Румянцевой) (Румянцева, 2006).

3) Тест межличностной зависимости Р. Гиршфильда (адаптация О. П. Макушиной) (Макушина, 2005).

4) Тест «Диагностика типа коммуникативной установки» В. В. Бойко (Бойко, 1996).

Для статистической обработки данных нами использовалось программное обеспечение SPSS 27 с применением метода сравнения средних значений и одновыборочного t-критерия.

Результаты исследования

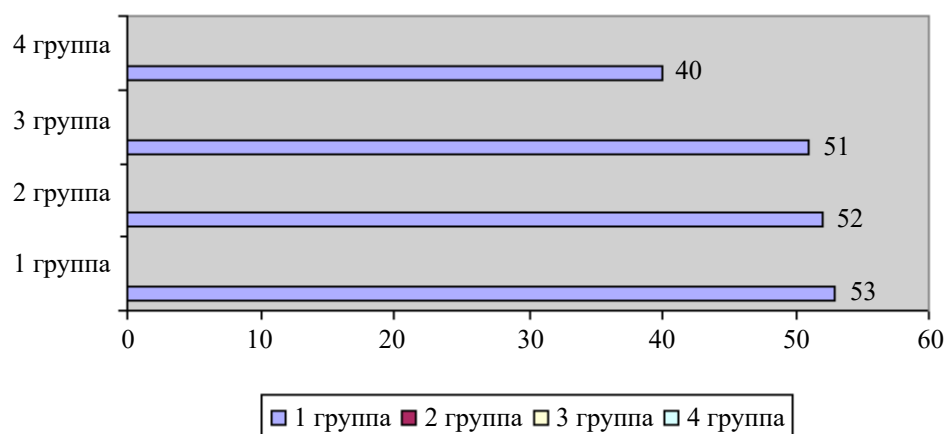
Объектом исследования выступили 223 респондента. Из них 147 респондентов в возрасте от 17 до 68 лет, 45 мужчин и 102 женщины – родственники зависимых, а также участники групп самоподдержки (АН, АС, Нар-Анон, CODA), которые подвержены проблеме созависимого поведения. Средняя продолжительность нахождения в условиях созависимости составляет 11 лет. Из них 69 респондентов проходят 12-шаговую программу. Также было задействовано 76 респондентов в возрасте от 17 до 54 лет, 9 мужчин и 67 женщин – студенты ДГТУ, у которых отсутствует проблема созависимого поведения (контрольная группа). На этапе проведения анализа данных объект исследования был разделен на 4 группы. Группа 1 – 39 человек с проблемой созависимого поведения, родственник которых находится в ремиссии. Данная группа также разделена на подгруппы также разделена по сроку ремиссии: до 5 лет (30 чел.); от 5 до 10 лет (5 чел.); от 10 лет (4 чел.). Группа 2 – 59 человек с проблемой созависимого поведения, родственник которых не находится в ремиссии. Группа 3 – 49 человек с проблемой созависимого поведения, не имеющих зависимого родственника. Группа 4 – 76 человек, не имеющих проблем с созависимым поведением (контрольная группа).

Респонденты 1, 2 и 3 группы демонстрируют средний уровень выраженности межличностной зависимости, стремящийся к верхней границе ($M = 52$). При этом респонденты 1 группы, имеющие зависимого родственника в ремиссии более 10 лет, набрали средний уровень выраженности ($M = 48$) по шкале межличностной зависимости. Респонденты, имеющие зависимого родственника в ремиссии до 10 лет, имеют высокий уровень выраженности по шкале неуверенности в себе ($M = 38$). Респонденты 4 группы набрали среднее значение по шкале межличностной зависимости ($M = 40$), но это значение стремится к нижней границе (рисунок 1).

По методике «Кто Я?» (Модификация Т. В. Румянцевой) респонденты 1 группы дали наибольшее количество ответов ($M = 7$). Наряду с этим группа респондентов с зависимым родственником в ремиссии от 10 лет также имеет большое значение (16 ответов), что может говорить о высоком уровне рефлексии личности у респондентов данной группы. Респонденты 2 группы ($M = 5$), 3 группы ($M = 6$) и 4 группы ($M = 4$) дали среднее количество ответов на вопрос методики. Наименьшее количество ответов наблюдалось в 4 группе, что может быть связано с относительно небольшим жизненным опытом студентов 1 курса.

Рисунок 1

Уровень выраженности межличностной зависимости

Респонденты всех групп набрали общий балл выше среднего по методике «Диагностика типа коммуникативной установки» В. В. Бойко (табл. 1). Средние значения для групп респондентов таковы: респонденты 1 группы – $M = 45$, респонденты 2 группы – $M = 46$, респонденты 3 группы – $M = 44$, респонденты 4 группы – $M = 43$. Это может характеризовать респондентов всех групп как людей с выраженной негативной коммуникативной установкой, что проявляется в виде негативного настроения к собеседнику и высокого уровня напряжения в коммуникативном акте. При этом респонденты 1 группы, имеющие зависимого родственника в ремиссии от 10 лет и рассмотренные как подгруппа, набрали балл ниже среднего ($M = 30$). Респонденты 2 группы набрали высокие баллы по шкале «Негативный личный опыт общения с окружающими» ($M = 10,08$). Данные баллы отражают, что респондентам данной группы приходилось находиться в деструктивных отношениях с ближайшим окружением и основывать отношения сейчас на предыдущем опыте. Респонденты 3 и 4 группы набрали одинаково высокие баллы по шкале «Завуалированная жестокость» ($M = 10,2$). Это может говорить о том, что респондентам данных групп свойственно проявлять к людям завуалированную жестокость как способ выражения агрессии. Данные результаты, могут быть связаны с тем, что созависимым свойственно находится в нереалистичных фантазиях по поводу зависимого другого и когда зависимый родственник, находящийся в ремиссии, не оправдывает данные фантазии, у созависимых может возникать агрессия, переходящая в жестокость (Irwin, 2000).

Таблица 1

Степень выраженности негативной коммуникативной установки

	Среднее значение в 1 группе	Среднее значение в 2 группе	Среднее значение в 3 группе	Среднее значение в 4 группе	Стандартное отклонение
Завуалированная жестокость	8,90	9,34	10,27	10,21	4,96
Открытая жестокость в отношениях к людям	22,08	20,81	20,00	20,22	12,73
Обоснованный негативизм в суждениях о людях	2,51	2,47	2,02	1,79	1,50
Брюзжание	3,64	3,83	3,51	3,58	3,05
Негативный личный опыт общения с окружающими	8,38	10,08	9,06	8,17	6,03
Суммарный балл	45,51	46,54	44,86	43,97	22,74

Примечание: максимальный балл по шкале завуалированной жестокости – 20; по шкале открытой жестокости – 45; по шкале обоснованного негативизма – 5; по шкале брюзжания – 10; по шкале – негативного личного опыта – 20; общий – 100.

Обсуждение результатов

Средний уровень межличностной зависимости может говорить об актуализированном состоянии созависимости и характеризовать респондентов с таким показателем как людей с ощутимой потребностью в эмоциональной близости и принятии со стороны другого. В том числе возможно постоянное ощущение своей беспомощности, низкой самооценки, а также выраженной тревоги по поводу предполагаемого отвержения. Также актуализированное состояние созависимости может быть предиктором возвращения к употреблению зависимого другого (Артемцева, 2022). Высокий уровень выраженности по шкале неуверенности в себе может говорить об участниках, имеющих зависимого родственника в ремиссии до 10 лет, как о тех, кто сомневается в себе и своих силах, чувствует неуверенность в повседневной жизни. Они могут ожидать осуждения со стороны окружающих и для них будет характерно занимать ведомую позицию в коллективе, а также тенденция пасовать в отстаивании своей позиции.

Неуверенность в себе, может свидетельствовать о низкой самооценке, которая является основной для формирования остальных проявлений созависимости: отсутствия чувства собственного достоинства, завышенной критичности к себе, выраженного чувства вины, отсутствия доверия и навыка выстраивать здоровые взаимоотношения с другими (Москаленко, 2002). Н. Г. Артемцева в своей книге «Феномен созависимости. Общее, типологическое, индивидуальное» пишет, что созависимым людям свойственна низкая самооценка как черта, из которой вытекают все остальные, в том числе такая особенность, как направленность на других. Это совпадает с результатами нашего исследования, что созависимые зависят от оценок других и их принятия (Артемцева, 2022). В том числе наши результаты подтверждают исследования Б. Карасар в статье «Медиаторная роль потребности в социальном одобрении во взаимоотношениях между перфекционизмом и созависимостью: исследование с помощью моделирования структурными уравнениями». Он указывает на то, что созависимые стремятся сделать все идеально, чтобы показать другим, что они достойны их любви (Karasar, 2020).

Кроме того, для лиц, имеющих родственника, находящегося в ремиссии более продолжительное время, будет свойственно снижение негативной коммуникативной установки, что благоприятно сказывается на процессе общения, позитивном настрое к собеседнику, снижении контроля в коммуникации. В целом, по результатам исследования можно охарактеризовать респондентов всех изучаемых групп как людей с выраженной негативной коммуникативной установкой. Негативный настрой к собеседнику может основываться на негативном мышлении, свойственном созависимым, и проявляться в склонности к полярным выводам, резким суждениям, в негативных оценках окружающих, долженствованиях по отношению к другим и себе и т. п. (Артемцева, 2022).

К. С. Лисецкий и Е. В. Литягина пишут о том, что созависимые формы поведения продолжают действовать даже при прекращении зависимым пагубного поведения. Также они обращают внимание, что именно сохранение созависимых форм поведения служит фактором прекращения ремиссии у зависимого (Лисецкий и Литягина, 2014). Основываясь на наших результатах о снижении уровня межличностной зависимости и росте рефлексии личности у респондентов, имеющих зависимого родственника в ремиссии более 10 лет, мы можем прийти к выводу, что это правило справедливо на начальных этапах прекращения употребления. При стойкой ремиссии зависимого происходит обеспечение устойчивости созависимого. Возможно, данные результаты могут быть связаны со снижением контроля у созависимого за выздоровлением зависимого. Данный феномен приводится в работе В. А. Василишина «Феномен созависимости как фактор, препятствующий лечению алкоголизма и наркомании». Он указывает на то, что созависимый может чувствовать ответственность за выздоровление зависимого и контролировать процесс лечения. Предположительно, с возрастанием срока устойчивой ремиссии зависимого, у созависимого будет также возрастать степень доверия как к зависимому родственнику, так и к окружающим в целом, что положительно скажется на коммуникативной сфере (Василишин, 2022).

Заключение. На основании проведенного анализа данных мы можем сделать вывод о проявлении созависимого поведения в 1, 2 и 3 группе, в том числе неуверенности в себе как проявления одного из основных симптомов созависимости – низкой самооценки. Наряду с этим у респондентов, имеющих зависимого родственника в ремиссии более 10 лет, созависимое поведение проявляется в меньшей степени, что говорит о позитивном влиянии нахождения зависимого близкого родственника в долгосрочной ремиссии на уровень проявления созависимости в семье. В том числе у респондентов с проблемой созависимого поведения, родственник которых находится в ремиссии, выявлен высокий уровень рефлексии личности, то есть наибольший в сравнении с другими группами. Также наблюдается рост рефлексии созависимого с ростом срока нахождения зависимого родственника в программе. Это может быть связано с собственным личностным развитием в программе «12 шагов» для созависимых, так и влиянием роста осознанности ближайшего окружения в семье. Кроме того, для респондентов, имеющих зависимого родственника в ремиссии более 10 лет, обнаруживается снижение уровня негативизма в коммуникации с другими людьми.

Из приведенных выше особенностей респондентов с проблемой зависимого и созависимого поведения, родственник которых находится в ремиссии, мы можем заключить, что снижение уровня проявления созависимости в семье связано с нахождением зависимого родственника в ремиссии. Также существенное влияние имеет срок ремиссии. Чем он больше, тем благоприятнее это сказывается на созависимом окружении.

Список литературы

- Артемцева, Н. (2022). *Феномен созависимости. Общее, типологическое, индивидуальное*. Litres.
- Асеева, А. Д. (2014). *Социально-психологические аспекты зависимого поведения в межличностных отношениях в юношеском возрасте* [автореферат диссертации]. Курский государственный университет.
- Благов, Л. Н., и Демина, М. В. (2005). Опиоидная зависимость и феномен созависимости. Вопросы патогенеза и клиники. *Наркология*, 4(1), 42–49.
- Бойко, В. В. (1996). *Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других*. Филинь.
- Василишин, В. А. (2022). *Феномен созависимости как фактор, препятствующий лечению алкоголизма и наркомании* [магистерская диссертация]. РГПУ им. А. И. Герцена.
- Громова, И. А. (2016). Семейная история как фактор риска формирования химической зависимости и созависимых отношений у женщин. В *Исторические и психолого-педагогические науки: сборник научных статей* (С. 72–77). РИВШ.
- Кондратенко, Е. С. (2020). Феномен созависимости в психологической науке. В *Научное наследие академика И. Ф. Харламова и актуальные проблемы целостного образовательного процесса в современном педагогическом пространстве* (С. 119–122). Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины.
- Кузьмичев, Е. С. (2020). Психологические аспекты алкоголизма как хронического заболевания. *Наука-2020*, 9(45), 10–13.
- Лисецкий, К. С., и Литягина, Е. В. (2014). Наркомания: особенности и взаимосвязь отношения к болезни зависимых и созависимых. *Вестник Самарского государственного университета*, 9(120), 251–257.
- Макушина, О. П. (2005). *Методы психологического изучения девиантного поведения*. ВГУ.
- Меринов, А. В., Шитов, Е. А., Лукашук, А. В., Сомкина, О. Ю., Байкова, М. А., Филиппова, М. Д., Меринов, Н. Л., и Юрченко, А. И. (2015). Супруги мужчин, страдающих алкогольной зависимостью, имеющие в анамнезе суицидальную попытку: их расширенная клиничко-суицидологическая и психологические характеристики. *Суицидология*, 6(3(20)), 49–54.
- Миненок, Е. С. (2020). Особенности социально-психологической реабилитации созависимых. *Global and Regional Research*, 2(1), 547–552.
- Минуллина, А. Ф., и Михайлова, М. О. (2018). Созависимость и дисфункциональное воспитание в неполных семьях. *Проблемы современного педагогического образования*, 58–4, 335–339.
- Москаленко, В. Д. (2002). *Зависимость: семейная болезнь*. Пер Сэ.
- Пузырёва, Л. А. (2012). Социально-психологические предпосылки созависимых отношений. *Ярославский педагогический вестник*, 2(3), 246–250.
- Радионова, Д. Д., и Устюжанинова, Е. Н. (2024). *Программа 12 шагов: психологический подход к эффективно-му лечению алкогольной зависимости*. Научный Лидер.
- Румянцева, Т. В. (2006). *Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре*. Речь.
- Шишкова, А. М., и Бочаров, В. В. (2023). Эмоциональное выгорание родственников больных с химической зависимостью. *Методология и инструментарий оценки*. Нестор-История.
- Assalin, A. C. B., Zerbetto, S. R., Ruiz, B. O., Cugler, P. S., & Pereira, S. S. (2021). Facilidades de adesão familiar no tratamento da dependência química: percepção dos familiares. *SMAD. Revista eletrônica saúde mental álcool e drogas*, 17(1), 17–25.
- Bradshaw, S. D., Shumway, S. T., & Kimball, T. G. (2021). Associations between SUD in the family, PFC functioning, and codependency: Importance of family member recovery. In J. M. Croff, J. Beaman (Eds.) *Family resilience and recovery from opioids and other addictions* (pp. 145–168). Springer Cham.
- Da Costa, C. M. R. F., & Oliveira-Monteiro, N. R. D. (2020). Codependency, psychological problems and time of exposure to parents with a history of psychoactive substance dependence: appointments. *Contextos Clínicos*, 13(3), 724–739.
- Hurcom, C., Copello, A., & Orford, J. (2000). The family and alcohol: Effects of excessive drinking and conceptualizations of spouses over recent decades. *Substance Use & Misuse*, 35(4), 473–502.
- Irwin, L. (2000). “Even better than in reality”: stories about yourself in codependency. *Qualitative Sociology*, 23, 9–28.
- Karaşar, B. (2022). Mediator Role of the Need for Social Approval in the Relationship between Perfectionism and Codependency: A Structural Equation Modeling Study. *International Journal of Contemporary Educational Research*, 7(2), 40–47. <https://doi.org/10.33200/ijcer.663837>
- Kelly, J. F., Humphreys, K., & Ferri, M. (2020). Alcoholics Anonymous and other 12-step programs for alcohol use disorder. *The Cochrane database of systematic reviews*, 3(3), CD012880. <https://doi.org/10.1002/14651858.CD012880.pub2>
- Subby, R. C. (2010). *Lost in the shuffle: The co-dependent reality*. Simon and Schuster.
- Substance Abuse and Mental Health Services Administration (US), & Office of the Surgeon General (US). (2016). The neurobiology of substance use, misuse, and addiction. In *Facing Addiction in America: The Surgeon General's Report on Alcohol, Drugs, and Health*. US Department of Health and Human Services.

References

- Artemtseva, N. (2022). *The phenomenon of co-dependence. General, typological, individual*. Litres. (In Russ.)
- Aseeva, A. D. (2014). *Socio-psychological aspects of addictive behavior in interpersonal relationships in adolescence* [Thesis abstract]. Kursk State University.
- Assalin, A. C. B., Zerbetto, S. R., Ruiz, B. O., Cugler, P. S., & Pereira, S. S. (2021). Facilidades de adesão familiar no tratamento da dependência química: percepção dos familiares. *SMAD. Revista eletrônica saúde mental álcool e drogas*, 17(1), 17–25.
- Blagov, L. N., & Demina, M. V. (2005). Opioid dependence and the phenomenon of co-dependence. Issues of pathogenesis and clinic. *Narcology*, 4(1), 42–49. (In Russ.)
- Boyko, V. V. (1996). *The energy of emotions in communication: a look at self and others*. Filin. (In Russ.)
- Bradshaw, S. D., Shumway, S. T., & Kimball, T. G. (2021). Associations between SUD in the family, PFC functioning, and codependency: Importance of family member recovery. In J. M. Croff, J. Beaman (Eds.) *Family resilience and recovery from opioids and other addictions* (pp. 145–168). Springer Cham.
- Da Costa, C. M. R. F., & Oliveira-Monteiro, N. R. D. (2020). Codependency, psychological problems and time of exposure to parents with a history of psychoactive substance dependence: appointments. *Contextos Clínicos*, 13(3), 724–739.
- Filippova, M. D., Merinov, N. L., & Yurchenko, A. I. (2015). Spouses of alcohol-dependent men with a history of suicide attempt: their extended clinical-suicidological and psychological characteristics. *Suicidology*, 6(3(20)), 49–54. (In Russ.)
- Gromova, I. A. (2016). Family history as a risk factor for the formation of chemical dependence and co-dependent relationships in women. In *Historical and psychological-pedagogical sciences: collection of scientific articles* (pp. 72–77). RIVSH. (In Russ.)
- Hurcom, C., Copello, A., & Orford, J. (2000). The family and alcohol: Effects of excessive drinking and conceptualizations of spouses over recent decades. *Substance Use & Misuse*, 35(4), 473–502.
- Irwin, L. (2000). “Even better than in reality”: stories about yourself in codependency. *Qualitative Sociology*, 23, 9–28.
- Karaşar, B. (2022). Mediator Role of the Need for Social Approval in the Relationship between Perfectionism and Codependency: A Structural Equation Modeling Study. *International Journal of Contemporary Educational Research*, 7(2), 40–47. <https://doi.org/10.33200/ijcer.663837>
- Kelly, J. F., Humphreys, K., & Ferri, M. (2020). Alcoholics Anonymous and other 12-step programs for alcohol use disorder. *The Cochrane database of systematic reviews*, 3(3), CD012880. <https://doi.org/10.1002/14651858.CD012880.pub2>
- Kondratenko, E. S. (2020). The phenomenon of co-dependence in psychological science. In *Scientific heritage of academician I. F. Kharlamov and actual problems of holistic educational process in modern pedagogical space* (pp. 119–122). Gomel State University named after Frantsysk Skaryna. Francysk Skaryna.
- Kuzmichev, E. S. (2020). Psychological aspects of alcoholism as a chronic disease. *Nauka-2020*, 9(45), 10–13. (In Russ.)
- Lisetsky, K. S., & Lityagina, E. V. (2014). Drug addiction: peculiarities and interrelation of attitudes to the disease of addicts and co-dependents. *Bulletin of Samara State University*, 9(120), 251–257. (In Russ.)
- Makushina, O. P. (2005). *Methods of psychological study of deviant behavior*. VSU. (In Russ.)
- Merinov, A. V., Shitov, E. A., Lukashuk, A. V., Somkina, O. Y., Baikova, M. A., Minenok, E. S. (2020). Features of socio-psychological rehabilitation of co-dependents. *Global and Regional Research*, 2(1), 547–552. (In Russ.)
- Minullina, A. F., & Mikhailova, M. O. (2018). Co-dependency and dysfunctional parenting in single-parent families. *Problems of modern pedagogical education*, 58–4, 335–339. (In Russ.)
- Moskalenko, V. D. (2002). *Addiction: a family disease*. Per Se. (In Russ.)
- Puzyreva, L. A. (2012). Socio-psychological prerequisites of co-dependent relationships. *Yaroslavl pedagogical bulletin*, 2(3), 246–250. (In Russ.)
- Radionova, D. D., & Ustyuzhaninova, E. N. (2024). *The 12-step program: a psychological approach to effective treatment of alcohol dependence*. Scientific Leader. (In Russ.)
- Rumyantseva, T. V. (2006). *Psychological counseling: diagnostics of relationships in a couple*. Speech. (In Russ.)
- Shishkova, A., & Bocharov, V. (2023). *Emotional burnout of relatives of patients with chemical dependence. Methodology and assessment tools*. Publ. Nestor-Istoriya. (In Russ.)
- Subby, R. C. (2010). *Lost in the shuffle: The co-dependent reality*. Simon and Schuster.
- Substance Abuse and Mental Health Services Administration (US), & Office of the Surgeon General (US). (2016). The neurobiology of substance use, misuse, and addiction. In *Facing Addiction in America: The Surgeon General's Report on Alcohol, Drugs, and Health*. US Department of Health and Human Services.
- Vasilishin, V. A. (2022). *The phenomenon of co-dependence as a factor preventing the treatment of alcoholism and drug addiction* [Master's thesis]. A. I. Herzen Russian State Pedagogical University. (In Russ.)

Об авторах:

Игнатенко Петрович Александр, магистрант, Донской государственный технический университет (Российская Федерация, 344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), Aliaksandrignatenko@gmail.com

Азарко Матвеевна Елена, кандидат психологических наук, доцент факультета «Психология, педагогика и дефектология», Донской государственный технический университет (Российская Федерация, 344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), azarkoem@yandex.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Alexander Petrovich Ignatenko, Master's student, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), Aliaksandrignatenko@gmail.com

Elena Matveeva Azarko, Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor, Psychology Department, Pedagogy and Defectology, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), azarkoem@yandex.ru

Conflict of interest: the authors do not have any conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 17.07.2024

Поступила после рецензирования / Revised 26.11.2024

Принята к публикации / Accepted 28.11.2024

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

SOCIAL PSYCHOLOGY, POLITICAL AND ECONOMIC PSYCHOLOGY

Check for updates

Original Empirical Research

UDC 159.99

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-6-27-34>

QNVGCW

The Effect of National Identity and Collective Victimhood on South Koreans' Perception of Trilateral Cooperation

Jungbin Lim¹ , Dongkyu Kim²

¹ Sungkyunkwan University, Seoul, Republic of Korea

² Korea Advanced Institute of Science and Technology, Daejeon, Republic of Korea

fly_dkkim123@naver.com

Abstract

Introduction. Mutual intimacy among the citizens of the three countries – South Korea, Japan, and China – continues to be low. To facilitate trilateral cooperation, it is important to understand public perception towards cooperation.

Purpose examines how psychological factors of national identification and collective victimhood affect Koreans' perception and attitudes toward China and Japan.

Materials and Methods. A survey on 320 participants of Korean nationality was conducted using an online questionnaire to measure national identification, collective victimhood, perceived social norms, and preferences for international policies.

Results. Descriptive statistics show that while most Koreans perceived anti-Chinese and anti-Japanese sentiments as a social norm, participants held more positive attitudes towards them on a personal level. In addition, participants with lower degrees of national identification and collective victimhood, showed more positive attitudes towards Chinese and Japanese and higher preference for diplomatic policies over military policies.

Discussion. The findings underscore the complexity of intergroup relations in the trilateral context. Despite widespread perceptions of hostility towards Chinese and Japanese, individual attitudes show that many Koreans are open to forming friendships across these national boundaries. This discrepancy suggests a disconnection between perceived social norms and personal beliefs, highlighting the potential for improved interpersonal relations through targeted initiatives. Promoting positive individual interactions may encourage broader acceptance and diminish the emotional appeals of nationalism that lead to parochial attitudes and conformity to social norms that support hostility. As evidenced by Germany's post-conflict reconciliation, structured social and cultural exchanges, supported by legal frameworks, can create a conducive environment for peace and collaboration. While the Trilateral Cooperation Secretariat has made strides in improving diplomatic relations, sustained efforts at both individual and societal levels are essential. Increased interaction and exchanges among the citizens of South Korea, Japan, and China can reduce prejudice and promote cooperation, ultimately fostering a more harmonious trilateral relationship.

Keywords: trilateral cooperation, public opinion, national identity, nationalism, collective victimhood, social norms

For Citation. Lim, J., & Kim, D. (2024). The effect of national identity and collective victimhood on south Koreans' perception of trilateral cooperation. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*, 7(6), 27–34. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-6-27-34>

Оригинальное эмпирическое исследование

Влияние национальной идентичности и коллективной виктимности на восприятие южнокорейцами трехстороннего сотрудничества

Чжунбин Лим¹ , Донгкю Ким²

¹ Университет Сунгкюнкан, Сеул, Республика Корея

² Корейский передовой институт науки и технологий, Тэджон, Республика Корея

fly_dkkim123@naver.com

Аннотация

Введение. Взаимная близость между гражданами трех стран – Южной Кореи, Японии и Китая – по-прежнему находится на низком уровне. Чтобы способствовать трехстороннему сотрудничеству, важно понять, как общественность относится к сотрудничеству.

Цель исследования – изучить, как психологические факторы национальной идентификации и коллективной виктимности влияют на восприятие и отношение корейцев к Китаю и Японии.

Материалы и методы. Опрос 320 участников корейской национальности проводился с помощью онлайн-анкеты для измерения национальной идентификации, коллективной виктимности, воспринимаемых социальных норм и предпочтений в отношении международной политики.

Результаты. Описательная статистика показывает, что, хотя большинство корейцев воспринимают антикитайские и антияпонские настроения как социальную норму, участники на личном уровне относятся к ним более позитивно. Кроме того, участники с более низкой степенью национальной идентификации и коллективной виктимности демонстрировали более позитивное отношение к китайцам и японцам и отдавали большее предпочтение дипломатической политике перед военной.

Обсуждение. Полученные данные подчеркивают сложность межгрупповых отношений в трехстороннем контексте. Несмотря на широко распространенные представления о враждебности по отношению к китайцам и японцам, индивидуальное отношение показывает, что многие корейцы открыты к установлению дружеских отношений через эти национальные границы. Такое расхождение говорит о несоответствии между воспринимаемыми социальными нормами и личными убеждениями, подчеркивая потенциал для улучшения межличностных отношений с помощью целенаправленных инициатив. Содействие позитивному взаимодействию между людьми может способствовать более широкому принятию и ослаблению эмоциональных призывов национализма, которые приводят к парохизальному отношению и соответствию социальным нормам, поддерживающим враждебность. Как показало постконфликтное примирение в Германии, структурированные социальные и культурные обмены, подкрепленные правовой базой, могут создать благоприятную среду для мира и сотрудничества. Хотя Секретариат трехстороннего сотрудничества добился успехов в улучшении дипломатических отношений, необходимы постоянные усилия как на индивидуальном, так и на общественном уровне. Расширение взаимодействия и обменов между гражданами Южной Кореи, Японии и Китая может уменьшить предрассудки и способствовать сотрудничеству, что в итоге приведет к более гармоничным трехсторонним отношениям.

Ключевые слова: трехстороннее сотрудничество, общественное мнение, национальная идентичность, национализм, коллективная виктимность, социальные нормы

Для цитирования. Лим, Чж., & Ким, Д. (2024). Влияние национальной идентичности и коллективной виктимности на восприятие южнокорейцами трехстороннего сотрудничества. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 7(6), 27–34. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-6-27-34>

Introduction

Recalling the 25th anniversary of Korea-China-Japan trilateral cooperation, the heads of the trilateral states convened the 9th Republic of Korea-Japan-China Trilateral Summit on May 27th, 2024, and adopted a joint declaration longing for the institutionalization and the expansion of the Trilateral Cooperation (Republic of Korea, Japan & People's Republic of China. (2024, May 27). Joint Declaration of the Ninth ROK-Japan-China Trilateral Summit. Retrieved November 20, 2024, from <https://tcs-asia.org/en/data/documents.php>). After the Trilateral Summit, Chinese Prime Minister Li Qiang expressed a desire to collaborate with South Korea and Japan on economic matters, particularly focusing on supply chains and resuming negotiations for a trilateral free trade agreement. South Korean President Yoon Suk-Yeol mentioned that the three leaders concurred on enhancing cultural and people-to-people exchanges, establishing secure supply chain networks, and jointly addressing environmental, health, and other common challenges. Japanese Prime Minister Kishida emphasized the significant responsibility the three nations bear for maintaining regional peace and announced that Japan will host the next trilateral leaders' meeting (Kim, H. & Wu, H. (2024). China premier agrees on cooperation with Seoul, Tokyo but issues veiled rebuke against their US ties. The Associated Press (AP). Retrieved September 16, 2024, from <https://apnews.com/article/south-korea-china-japan-trilateral-6afe4c3e280995a7fc16696edbd0a345>).

However, recent public opinion indicators show that Koreans' favorability towards China and Japan are still very low. Looking at the favorability of neighboring countries of Koreans, China scored 27.6 and Japan scored 26.7 out of 100 (Cho, 2021). Nevertheless, the trilateral countries will continue to increase cooperation in various fields, and human resource exchanges will be more active. The Joint Declaration of the Ninth ROK-Japan-China Trilateral Summit stipulated to increase number of people-to-people exchanges among the three countries to 40 million by 2030 (Republic of Korea, Japan & People's Republic of China. (2024, May 27). Joint Declaration of the Ninth ROK-Japan-China Trilateral Summit. Retrieved November 20, 2024, from <https://tcs-asia.org/en/data/documents.php>).

The present study examines the influence of public perception on foreign policy and international relations. The issue of the pace of social processes is a topic of active discussion among experts from various fields, driven by the rapid, complex, and widespread changes in the economy, social relations, and culture. As a result, shifts in perceptions among the three countries could lead to significant transformations (Diomin & Stepanova, 2023). To this end, we examine the effect of national identification and collective victimhood on Koreans' perceptions towards China and Japan and provide implications for the Korean government's foreign policy on trilateral cooperation.

Theoretical Background

Influence of public perception on foreign policy and international relations. In general, following democratization, authoritative decisions from the state decreased, while the influence of public opinion increased in the process of decision-making for foreign policies (Kim and Lim, 2024). The intercultural differences identified are part of the national culture of the host country's general population (Feshchenko et al., 2024). In countries implementing democracy as their form of government, public opinion cannot be completely ignored. Depending on the accessibility of information, the impact of individual factors on public opinion may vary. Although its influence may be limited depending on accessibility, the words and actions of political leaders can also affect public opinion on certain policies. Individual characteristics such as ideological orientation and information processing abilities also influence the formation of public opinion (Kim et al., 2021). In addition, sufficiently strong and developed organizational culture is the support of cohesion in understanding significant problems (Khotinets et al., 2022).

This shows that the recognition of the importance of cooperation by the citizens of the three countries is equally important to national level efforts to facilitate trilateral cooperation. Therefore, it is necessary to understand to what extent Koreans are satisfied or dissatisfied with trilateral cooperation and conduct an empirical study on what factors affect their preferences. To achieve trilateral cooperation between China, Japan, and Korea the citizens of the three countries must hold positive beliefs and attitudes toward cooperation and a strong intention to carry out actions necessary to promote cooperation. While previous studies mainly dealt with political attitudes toward Korea-Japan relations and Korea-China relations from a macroscopic view, the present study additionally explored two individual level variables, "national identity" and "collective victimhood", to examine Koreans' perception and attitudes towards Chinese and Japanese.

National identification. Social identity refers to how individuals define themselves based on their membership in social groups (Tajfel & Turner, 2004). According to social identity theory, individuals positively maintain and enhance their social identity by evaluating their own group (ingroup) more positively than the other group (outgroup) and enhance self-esteem by defining themselves through positive characteristics of their ingroup. This basic assumption of social identity theory has accumulated supporting evidence through various studies on intergroup relations and has been widely applied to studies on understanding and resolving conflict between groups. National identity, one of various social identities held by individuals, is a key variable in analyzing individual attitudes regarding international relations.

National identity is an important factor in understanding foreign policy initiatives, as it is based on the status, role, and identity of a country in international relations (Choi, 2018). In addition, national identity strengthens collective cohesion of people within a nation, and when such collective cohesion intensifies, ethnocentrism develops in the form of exclusive nationalism. Therefore, strong national identification as a Korean, can cause negative outgroup perceptions towards China and Japan, which may lead to stereotypes, prejudice, and discrimination against Chinese and Japanese. In a previous study that examined Koreans' attitudes toward Japan, historical events experienced by East Asian countries have deepened hostility towards each other and have negatively affected regional stability (Choi, 2018).

Collective victimhood. The second variable used to examine Koreans' perception towards Chinese and Japanese is collective victimhood. Collective victimhood refers to a shared belief that one's group has been intentionally and undeservingly harmed by another group (Noor et al., 2017). Collective victimhood is a concept commonly used in studies on intergroup relations, which has been applied to understanding conflict between Protestant and Catholic communities in Northern Ireland (Lynch et al., 2018), and the Israeli-Palestinian conflict (Schori-Eyal et al., 2014). According to the previous studies, group members with strong collective victimhood, had higher tendencies of easily justifying violence inflicted on the outgroup by the ingroup, and lower tendencies of forgiving or reconciling with the outgroup.

Subsequent generations inherit the experiences and status as the victim experienced by previous generations, and give moral justification to their ethnocentric beliefs. The shared narrative provides meaning to the conflict as a collective memory in a consistent manner to ingroup members (Bar-Tal, 2003). Collective memory focuses on conveying the past from the perspective of the ingroup's current situation and requirements rather than providing objective facts. Therefore, collective memory of past victimhood has strong connotations of bias, selection, and distortion in accordance with the goals and purposes of the ingroup. However, group members believe that the collective memory of victimhood is based on objective facts and understand history through a black-and-white framework of the perpetrator and the victim. Through this process, collective victimhood strengthens the positive image of the ingroup and denies the legitimacy of the outgroup (Baumeister & Hastings, 1997). It also reminds ingroup members of the violence and pain that the ingroup has suffered for a long time and strengthens the perception that the ingroup is the victim of conflict and violence inflicted by the outgroup. In the context of international relations, prolonged conflict with neighboring countries continues to breed collective victimhood. The historical context of Korea-Japan and Korea-China relations amplifies the negative perception towards Japanese and Chinese among Koreans through such collective victimhood. Japan suppressed Korean people and culture during the colonialization of Korea (1910–1945), and the anti-Japanese sentiment in contemporary Korean society also stems from the Japanese occupation of Korea. China illegally intervened in the Korean War (1950–1953) to deter the unification of the Korean Peninsula led by South Korea and is still North Korea's communist ally even up to this day. Such historical contexts of Korea-Japan and Korea-China conflicts breed collective victimhood among Koreans, stemming from their historical suffering at the hands of Japan and China.

Perceived social norms. Social norms reflect individual perception of attitudes and behaviors that are believed to be shared by ingroup members toward a specific group (Ajzen, 1991). In situations of high uncertainty, individuals are motivated to compare their private attitudes to norms of the group they belong to (Festinger, 1954). When they perceive inconsistencies between their attitudes toward a specific group and the perceived social norms, they feel uncomfortable and are motivated to reduce this discomfort (Prentice & Miller, 1993). For example, they may internalize the perceived social norms and change their attitudes accordingly. In the present study, we examined the relationship between Korean's perceived social norms regarding anti-Chinese and anti-Japanese sentiments in the Korean society, and their individual attitudes towards Chinese and Japanese. More specifically, we also examined the effects of the motivation to conform to such sentiment on individual perceptions of Chinese and Japanese.

Materials and Methods

Measures

National identification. The degree of national identification as a Korean was measured through a reconstructed six-item questionnaire ($\alpha = .86$) adapted from previous social identity research (Hogg & Hains, 1996) through a 7-point Likert scale (1 "not at all", 7 "very much"). Participants were asked (1) how much they felt they belonged as a Korean, (2) how glad they were to be ethnic Korean, (3) how similar they felt to other Koreans as a whole in terms of general attitudes and opinions, and (4) how much they felt they had a strong bond with other Koreans.

Collective victimhood. Collective victimhood was measured through a reconstructed three-item questionnaire ($\alpha = .87$) widely used in previous studies (Vollhardt, Nair, & Tropp, 2016) through a 7-point Likert scale (1 "not at all", 7 "very much"). Participants were asked the following items: (1) The suffering of our nation is different from that of other nation, (2) The suffering of our nation is unprecedented in history, (3) The damage our nation suffered is incomparable to any other nation.

Perceptions of Chinese and Japanese. Perceptions of Chinese and Japanese were measured by directly asking participants' attitudes and attitudes of most Koreans perceived by the participant. Individual attitudes were measured through a two-item questionnaire on a 7-point Likert scale. Participants were asked (1) How much they disliked Chinese/Japanese and (2) How willing they were to be friends with Chinese/Japanese (1 "not at all", 7 "very much"). Perceived social norms were measured through a four-item questionnaire on a 7-point Likert scale. Participants were also asked (1) How much do they think most Koreans hate Chinese/Japanese and (2) How much do they think most Koreans are willing to be friends with Chinese/Japanese (1 "not at all", 7 "very much").

Attitudes toward Korea-China relations and Korea-Japan relations. The Korean government's foreign policy on trilateral diplomacy between China, Japan, and Korea can be categorized into policies supporting military measures and policies supporting diplomatic cooperation. This study focused on evaluating participants' attitudes toward Korea-China relations and Korea-Japan relations by measuring preferences toward military policies and diplomatic policies. Preference for military policies was measured through a three-item questionnaire on a 7-point Likert scale (1 "not at all", 7 "very much"). Participants were asked the following items: (1) Korea must strengthen its military capabilities to prevent China/Japan from threatening Korea, (2) Korea must strengthen its military capabilities against threats from China/Japan to protect the sovereignty of Korea and (3) The best option Korea can take in the face of conflict with China/Japan is to strengthen its military capabilities. Preference for diplomatic policies was measured through a three-item questionnaire on a 7-point Likert Scale (1 "not at all", 7 "very much"). Participants were asked the following items: (1) The best way to reduce the risk of the conflict with China/Japan is for Korea to communicate frequently with Japan/China. (2) Korea should make diplomatic efforts to resolve conflicts with China/Japan. (3) Diplomacy and negotiations are the best options Korea can take to resolve conflicts with China/Japan. All analysis was performed through IBM SPSS 22.

Results

Participants

Three hundred and twenty Koreans participated in an online questionnaire. The demographic composition of participants is presented in Table 1.

Table 1

Demographic Composition of Participants

Age	Male	Female	Other	Sum
10~19	82	36	2	120
20~29	62	66	4	132
30~39	20	46	2	68
Sum	164	148	8	320

National identification and collective victimhood. Descriptive statistics on national identification and collective victimhood are presented in Table 2. The average level of national identification as a collective victimhood were both relatively high ($M = 4.93$, $SD = 1.10$ for national identification, $M = 4.26$, $SD = 1.35$ for collective victimhood). In

addition, national identification and collective victimhood was significantly correlated, $r = .70$, $p < .05$ showing that national identification as a Korean and collective victimhood are closely linked in the shared cognition of many Koreans.

Table 2

Descriptive Statistics of National Identification and Collective Victimhood

Category	M	SD
National Identification	4.93	1.10
Collective Victimhood	4.26	1.35

Descriptive statistics on national identity and collective victimhood according to age are presented in Table 3. The results show that the younger generation held higher degrees of national identification and collective victimhood. This suggests that collective victimhood and the associated national identification are passed on through generations, and are further strengthened.

Table 3

National Identification and Collective Victimhood by Age

Age	National Identification	Collective Victimhood
19 and below	5.04	4.42
20 to 29	4.83	4.39
30 and above	4.71	4.02

Attitudes toward Chinese and Japanese. Descriptive statistics of attitudes toward Chinese and Japanese are presented in Table 4. For both attitudes toward Chinese and Japanese, personal attitudes regarding hostility was lower than the perceived social norm, and personal attitudes regarding friendliness was higher than the perceived social norm. The results show that although Koreans perceive hostilities towards Chinese and Japanese as a social norm in Korean society, they did not necessarily comply to the norms and showed high willingness to befriend Chinese and Japanese on a personal level.

Table 4

Descriptive Statistics of Attitudes toward Chinese and Japanese

Classification	Attitudes	M	SD
Chinese	Hostility (Personal)	4.76	1.52
	Hostility (Perceived social norm)	5.54	1.26
	Friendliness (Personal)	3.91	1.66
	Friendliness (Perceived social norm)	3.58	1.40
Japanese	Hostility (Personal)	3.71	1.69
	Hostility (Perceived social norm)	4.83	1.31
	Friendliness (Personal)	5.04	1.36
	Friendliness (Perceived social norm)	4.56	1.15

Multiple regression analysis was conducted to analyze the relative influence of national identification and collective victimhood on attitudes toward Chinese and Japanese, respectively, and the results are presented in Table 5. The relative influence was determined through the standardized regression coefficient. Both national identification and collective victimhood significantly predicted all dependent variables related to personal attitudes toward Chinese and Japanese. This is consistent with the theoretical basis of our prediction that people with higher degrees of national identification and collective victimhood have stronger negative perceptions toward Chinese and Japanese as hostile outgroups.

Table 5

Regression Analysis of the Effects of National Identification and Collective Victimhood on Attitudes towards Chinese and Japanese

	Hostility (China)	Friendliness (China)	Hostility (Japan)	Friendliness (Japan)
National Identity	.20*	-.20*	.31**	-.27**
Collective Victimhood	.22*	-.33**	.17*	-.19*

Note. * $p < .05$; ** $p < .01$.

Attitudes toward Korea-China relations and Korea-Japan relations. Descriptive statistics of attitudes toward Korea-China relations and Korea-Japan relations are presented in Table 6. For China, preference toward military policies was higher than diplomatic policies ($M = 5.13$, $SD = 1.53$ for military policies, $M = 4.67$, $SD = 1.12$ for diplomatic policies), and for Japan, preference for diplomatic policies was higher than military policies ($M = 4.12$, $SD = 1.50$ for military policies, $M = 4.80$, $SD = 1.20$ for diplomatic policies). The results show that Koreans hold different attitudes regarding policy preferences toward China and Japan, preferring military policies towards China, while preferring diplomatic policies towards Japan.

Table 6

Descriptive Statistics of Attitudes toward Korea-China and Korea-Japan Relations

Classification	Attitudes	M	SD
China	Military Policies	5.13	1.53
	Diplomatic Policies	4.67	1.12
Japan	Military Policies	4.12	1.50
	Diplomatic Policies	4.80	1.20

Multiple regression analysis was conducted to analyze the relative influence of national identification and collective victimhood on attitudes toward Korea-China relations and Korea-Japan relations, respectively, and the results are presented in Table 7. National identity significantly predicted policy preferences toward Japan, and collective victimhood significantly predicted all dependent variables except for preferences of diplomatic policies toward China. As with attitudes toward Chinese and Japanese, the results show that people with higher degrees of national identification and collective victimhood, held stronger perceptions toward China and Japan as potential threats, and people with lower degrees of national identification and collective victimhood, held stronger perceptions toward China and Japan as partners for cooperation.

Table 7

Regression analysis of the effects of national identification and collective victimhood on attitudes toward Korea-China relations and Korea-Japan relations

	Military (China)	Diplomacy (China)	Military (Japan)	Diplomacy (Japan)
National Identification	.15	-.13	.30**	-.24*
Collective Victimhood	.35**	-.12	.31**	-.16*

Note. * $p < .05$, ** $p < .01$.

Discussion

Based on social identity theory and collective victimhood, the present study attempted to derive implications for trilateral cooperation between China, Japan, and Korea based on the public opinion of Koreans towards China and Japan, and Chinese and Japanese. First, regarding the attitude of Koreans toward Chinese and Japanese, most Koreans responded that they thought most Koreans held anti-Chinese and anti-Japanese sentiments. That is, hostility towards Chinese and Japanese was perceived as a social norm. However, on the individual level, participants responded that they did not hold negative attitudes toward Chinese and Japanese, but on the contrary, were willing to befriend them, showing that while participants perceived that anti-Chinese and anti-Japanese sentiments were prevalent among Koreans as social norms, they did not comply to them. It is necessary to explore further the differences in psychological mechanisms between those who conformed to the perceived social norms and those who did not, and how these differences relate to public perception and attitudes toward China and Japan through future studies.

In addition, people with lower degrees of national identification and collective victimhood showed higher willingness to befriend Chinese and Japanese, higher preference for diplomatic policies, and lower preference for military policies. National identification is a concept deeply related to nationalism. The negative effects of nationalism are manifested in the form of parochialism and exclusive nationalism, relying on the emotional appeal of nationalism in addressing foreign policy (Park, 2009). As such, emotional appeals based on nationalism are likely to worsen international relations. It would be important to promote mutual understanding to minimize the impact of exclusive nationalism on trilateral relations (Choi, 2018).

In conclusion, both individual and social level efforts are required to facilitate cooperation between China, Japan, and Korea at the national level (Ahn, 2019). Accelerating cooperation in the higher political sphere could be an effective way to reduce intergroup tension because it can help people make less defensive and more cooperative choices (Kim, 2021). Therefore, to increase cooperation in the higher political sphere, exchanges in various fields including politics, economy, and culture should be expanded quantitatively and continued qualitatively in a consistent manner (Kim, 2016). For example, in the case of Germany, social and cultural exchanges and cooperation through a specific legal and institutional

basis contributed greatly to settling peace and easing tensions without being swayed by political situations (Kwon, 2018). Cooperation between China, Japan, and Korea is improving in part, led by the Trilateral Cooperation Secretariat, but there are still some hostilities remaining in the perception of citizens. However, because human behavior and attitudes can change through environmental and social factors, more interaction between the citizens of the three countries will strengthen cooperation, and likely reduce prejudice and discrimination.

References

- Ahn, D. (2019). A study on the individualization in Korean society and its direction of overcoming: focusing on the human being's views of j. S. Mill and e. Durkheim. *Journal of the Humanities*, 89, 285–312. <https://doi.org/10.21211/jhum.89.9>
- Ajzen, I. (1991). The theory of planned behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 50(2), 179–211. [https://doi.org/10.1016/0749-5978\(91\)90020-t](https://doi.org/10.1016/0749-5978(91)90020-t)
- Bar-Tal, D. (2003). Collective memory of physical violence: its contribution to the culture of violence. In E. Cairns & M. D. Roe (Eds.) *The role of memory in ethnic conflict. Ethnic and intercommunity conflict series* (pp. 77–93). Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/9781403919823_5
- Baumeister, R. F., & Hastings, S. (1997). Distortions of collective memory: how groups flatter and deceive themselves. In J. W. Pennebaker, D. Paez, & B. Rimé (Eds.) *Collective Memory of Political Events: Social Psychological Perspectives* (pp. 277–293). Lawrence Erlbaum Associates, Inc.
- Cho, Y. (2021). *Convention wisdom that Koreans hate Japan the most is ought to break...20s and 30s claim China is worse*. Hankookilbo.
- Choi, E. (2018). A study on perception gap in conflict matters between Korea and Japan through national identity. *The Journal of Asiatic Studies*, 61(4), 227–258. <https://doi.org/10.31930/jas.2018.12.61.4.227>
- Diomin, A. N., & Stepanova, A. V. (2023). Attitude towards the speed of social processes: development of a new inventory and assessment of its validity. *Russian Psychological Journal*, 20(2), 41–57. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.2.3>
- Feshchenko, E. M., Golubeva, G. F., Spasennikov, V. V., & Khangaldyan, A. A. (2024). Meaning-in-life orientations in adolescents with different cultural and ethnic characteristics. *Russian Psychological Journal*, 21(2), 133–150. <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.2.8>
- Festinger, L. (1954). A theory of social comparison processes. *Human Relations*, 7(2), 117–140. <https://doi.org/10.1177/001872675400700202>
- Hogg, M. A., & Hains, S. C. (1996). Intergroup relations and group solidarity: Effects of group identification and social beliefs on depersonalized attraction. *Journal of Personality and Social Psychology*, 70(2), 295–309. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.70.2.295>
- Khotinets, V. Yu., Kozhevnikova, O. V., & Baranova, N. A. (2022). Congruence of the real and favored organizational culture of a modern regional company: value predictors. *Russian Psychological Journal*, 19(3), 232–245. <https://doi.org/10.21702/rpj.2022.3.15>
- Kim, H. (2016). A qualitative study on contact experiences between north Korean defectors and south Koreans. *Korean Journal of Counseling and Psychotherapy*, 28(2), 529–562.
- Kim, J., Kang, C., & Han, G. (2021). *Koreans' perception on diplomacy and security: Asan annual survey results from 2010 to 2020*. The Asan Institute for Policy Studies.
- Kwon, H. (2018). *Improvement means of cooperation and legal system in social and cultural domain for the social integration between south and north Korea – a comparative study with the case of Germany* (Vol. 18–19–1). Korea Legislation Research Institute.
- Kim, D. (2021). The legal characteristics and the means for effective implementation of inter-Korean agreements. *Unification & Law*, 45, 76–105. <https://doi.org/10.36514/unilaw.2021.45.76>
- Kim, D., & Lim, J. (2024). Psychological assessment of south Koreans' perception on unification laws: how legal psychology impacts perspectives on Korean unification policies. *Russian Psychological Journal*, 21(2), 6–21. <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.2.1>
- Lynch, O., & Joyce, C. (2018). Functions of collective victimhood. *International Review of Victimology*, 24(2), 183–197. <https://doi.org/10.1177/0269758018758396>
- Park, J. (2009). *Nationalism discourse and the narrative of 'excluded within': reanalyzing the controversies surrounding the 'overseas Korean act' and 'regionalism'*. The Institute for Peace and Unification Studies, Seoul National University.
- Prentice, D. A., & Miller, D. T. (1993). Pluralistic ignorance and alcohol use on campus: some consequences of misperceiving the social norm. *Journal of Personality and Social Psychology*, 64(2), 243–256. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.64.2.243>
- Noor, M., Vollhardt, J. R., Mari, S., & Nadler, A. (2017). The social psychology of collective victimhood. *European Journal of Social Psychology*, 47(2), 121–134. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2300>
- Schori-Eyal, N., Halperin, E., & Bar-Tal, D. (2014). Three layers of collective victimhood: effects of multileveled victimhood on intergroup conflicts in the Israeli–Arab context. *Journal of Applied Social Psychology*, 44(12), 778–794. <https://doi.org/10.1111/jasp.12268>

Tajfel, H., & Turner, J. C. (2004). The social identity theory of intergroup behavior. *Political Psychology*, 276–293. <https://doi.org/10.4324/9780203505984-16>

Vollhardt, J. R., Nair, R., & Tropp, L. R. (2016). Inclusive victim consciousness predicts minority group members' support for refugees and immigrants. *Journal of Applied Social Psychology*, 46(6), 354–368. <https://doi.org/10.1111/jasp.12368>

About the Authors:

Jungbin Lim, Graduate Student, Department of Psychology, Sungkyunkwan University (25–1, Seonggyungwan-ro, Jongno-gu, Seoul, 03063, Republic of Korea), [ORCID](https://orcid.org/0000-0001-9151-4070), jblim407@gmail.com

Dongkyu Kim, PhD Student, Korea Advanced Institute of Science and Technology (193, Munji-ro, Yuseong-gu, Daejeon, 34051, Republic of Korea), [ORCID](https://orcid.org/0000-0001-9151-4070), fly_dkkim123@naver.com

Conflict of interest: the authors do not have any conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Об авторах:

Чжунбин Лим, аспирант, факультета психологии, Университет Сунгкюнкван (Республика Корея, 03063, Сеул, Чонногу, Сонгюнган-ро, 25–1), [ORCID](https://orcid.org/0000-0001-9151-4070), jblim407@gmail.com

Донгкю Ким, аспирант, Корейский передовой институт науки и технологий (Республика Корея, 34051, Тэджон, Мунджи-ро, Юсон-гу, 193), [ORCID](https://orcid.org/0000-0001-9151-4070), fly_dkkim123@naver.com

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Received / Поступила в редакцию 26.09.2024

Revised / Поступила после рецензирования 08.11.2024

Accepted / Принята к публикации 18.11.2024

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ AGE PSYCHOLOGY

УДК 159.923.2

Оригинальное эмпирическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-6-35-45>

Особенности социального интеллекта подростков с различными типами виктимного поведения

Елена Ю. Кольчик

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
г. Симферополь, Российская Федерация

✉ egyptshore@yandex.ru

QWYEEN

Аннотация

Введение. К основным факторам, влияющим на реализацию виктимного поведения, относятся нарушения эмоционального взаимодействия между родителями и детьми, а также отсутствие определенной воспитательной стратегии. Выявлено, что социальный интеллект существенно снижает риск виктимного поведения за счет выраженной эмпатии.

Цель. Изучить особенности социального интеллекта подростков с выраженной склонностью к виктимному поведению.

Материалы и методы. В исследовании применялись диагностические методики, включающие наблюдение, беседу, использование стандартизированных методик (методика диагностики виктимного поведения О. О. Андронниковой, методика диагностики социального интеллекта Дж. Гилфорда и опросник «Тип ролевой виктимности» М. А. Одинцовой). Для анализа данных были применены методы статистической обработки, такие как критерий ранговой корреляции Спирмена и U-критерий Манна-Уитни.

Результаты исследования. Для подростков с высокой виктимностью как характерологической чертой характерно размытие морально-нравственных ориентиров, преобладание неконструктивных стилей поведения, выраженная переменчивость в настроении, ранимость. Для подростков с низким уровнем виктимности характерен позитивный эмоциональный фон, более выраженная удовлетворенность повседневной деятельностью и более выраженный эмоциональный контроль. Обнаружена взаимосвязь между особенностями социального интеллекта, уровнем развития социального интеллекта и проявлениями виктимного поведения. Обозначены основные компоненты социального интеллекта, которые играют ключевую роль в формировании уверенного поведения в противоположность виктимному.

Обсуждение и заключение. Рост уровня неопределённости в современном обществе обуславливает общую виктимизацию населения, где подростки являются наиболее уязвимой социальной категорией. Уязвимость в данном возрастном периоде проявляется в категоричном мышлении, повышенной чувствительности к стрессовым факторам и восприятию проблем и трудностей как неразрешимых. По мере развития неблагоприятных для подростка социальных условий, эти черты выступают в качестве факторов риска, и чувство виктимности формируется как одна из особенностей характера личности. Достаточный уровень социального интеллекта, который состоит в способности спрогнозировать поведение другого человека с учетом логики развития ситуации, а также в выделении общих существенных признаков в невербальном поведении человека, позволяет сформировать уверенное поведение как противоположность виктимному.

Ключевые слова: подростки, виктимность, социальный интеллект, поведение жертвы, способность к прогнозированию

Для цитирования. Кольчик, Е. Ю. (2024). Особенности социального интеллекта подростков с различными типами виктимного поведения. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 7(6), 35–45. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-6-35-45>

Features of Social Intelligence of Adolescents with Different Types of Victimization Behavior

Elena Y. Kolchik

Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov, Simferopol, Russian Federation

✉ egyptshore@yandex.ru

Abstract

Introduction. The main factors influencing the realization of victim behavior include violations of emotional interaction between parents and children, as well as the lack of a certain educational strategy. It is revealed that social intelligence significantly reduces the risk of victimization behavior due to expressed empathy.

Objective. To study the peculiarities of social intelligence of adolescents with a pronounced propensity to victimizing behavior.

Materials and Methods. The study used diagnostic techniques, including observation, conversation, the use of standardized methods (O. O. Andronnikova's method of diagnosing victimization behavior, J. Guilford's method of diagnosing social intelligence and M. A. Odintsova's questionnaire "Type of role victimization"). Statistical processing methods such as Spearman's rank correlation criterion and Mann-Whitney U-criterion were used to analyze the data.

Results. For adolescents with high victimhood as a characterological trait is characterized by the blurring of moral and moral guidelines, the prevalence of non-constructive styles of behavior, expressed fickleness in mood, vulnerability. Adolescents with a low level of victimhood are characterized by a positive emotional background, more pronounced satisfaction with daily activities and more pronounced emotional control. The correlation between the features of social intelligence, the level of social intelligence development and manifestations of victimization behavior has been found. The main components of social intelligence, which play a key role in the formation of confident behavior as opposed to victim behavior, are outlined.

Discussion. The growing level of uncertainty in modern society causes the general victimization of the population, where adolescents are the most vulnerable social category. Vulnerability in this age period is manifested in categorical thinking, increased sensitivity to stressors and perception of problems and difficulties as insoluble. As the adolescent develops unfavorable social conditions, these traits act as risk factors, and the sense of victimhood is formed as one of the features of the personality character. A sufficient level of social intelligence, which consists in the ability to predict the behavior of another person, taking into account the logic of the situation, as well as in the identification of common essential features in the non-verbal behavior of a person, allows the formation of confident behavior as the opposite of victimhood.

Keywords: adolescents, victimhood, social intelligence, victim behavior, predictive ability

For Citation. Kolchik, E. Y. (2024). Features of social intelligence of adolescents with different types of victimization behavior. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*, 7(6), 35–45. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-6-35-45>

Введение

Подростковый возраст общепризнанно является одним из самых сложных возрастных периодов, что обусловлено не только особенностями физиологического созревания, но и рядом психологических особенностей. Достаточно часто именно дети подросткового возраста выступают в роли жертв в ситуациях правонарушений, а также принуждения или негативного взаимодействия. Поскольку в этом возрасте происходит переосмысление своего места как в обществе, так и в своем круге общения, очень часто формируется определенный характерологический образ собственной личности с виктимными чертами, что становится благодатной почвой для формирования деструктивного сознания, «притягивающего» к себе манипуляторов и правонарушителей. Ряд социологов, среди которых К. В. Вишневецкий, Д. Н. Грушевский и В. Д. Петровских, говорят о том, что основным источником виктимности является общественное неравенство, в результате которого некоторые группы людей становятся беспомощными перед несправедливостью (Вишневецкий, 2021). Д. Н. Грушевский акцентирует внимание на социальном факторе, который обуславливает личностные девиации и виктимность (Михайлова и Грушевский, 2015). В. Д. Петровских в своих работах приводит структурные компоненты личности, которые определяют виктимность: социальная, индивидуальная и биологически обусловленная подструктура, а также подструктура опыта. (Петровских, 2023).

Психологи смотрят иначе на феномен виктимного поведения. Например, согласно Л. В. Франку, причины виктимности закладываются еще в раннем детстве через особенности воспитания матери и отца. Чрезмерная эмоциональная холодность, дистанцирование, или, напротив, гиперопека являются предпосылками для формирования виктимного поведения в более позднем возрасте. В первом случае такое поведение будет обусловлено стремлением к самопожертвованию как способу обратить на себя внимание, а во втором случае – неспособностью брать на себя ответственность (Франк, 1972). Также Л. В. Франк отмечал, что все виды виктимности могут иметь реализованный или потенциальный характер. Обычно изучению доступна виктимность реализованная, в то время как потенциальная виктимность означает, что человек имеет все предпосылки к тому, чтобы стать жертвой в будущем. Продолжая тему потенциальной виктимности, Д. В. Ривман говорит о том, что для общества в целом

характерно три вида виктимности: нормальная, потенциальная и средняя, а вот реализуется она в зависимости от ситуативного контекста (Ривман и Устинов, 2000). Таким образом, каждый может оказаться в роли жертвы в зависимости от обстоятельств и от личностных характеристик, где роль обстоятельств более существенна. Вместе с тем, виктимное поведение не всегда может означать поведение жертвы: согласно И. Г. Малкиной-Пых, оно может означать и аморальное, провоцирующее поведение (Малкина-Пых, 2022). А. М. Прихожан в своих работах отмечает особые условия виктимного поведения подростков, к которым относят: устойчивый набор психологических характеристик, среди которых можно отметить высокую тревожность, эмоциональную стабильность, дефицит социальной поддержки и непосредственное наблюдение фактов насилия (Прихожан, 2010). Л. В. Франк к таким факторам относит также крайний конформизм, выраженную неустойчивость самооценки и склонность к антиобщественному поведению (Франк, 1972). Л. Л. Пучкова в своих работах отмечает, что для молодёжи, склонной к виктимному поведению, характерен сниженный уровень жизнестойкости, что может быть обусловлено низким уровнем ответственности за свои поступки и низкой самооценкой (Пучкова, 2020).

М. А. Одинцова, А. А. Суханова и О. О. Андронникова акцентировали внимание на том, что виктимность является частым спутником подростков из социально неблагополучных семей (Одинцова, 2012). А. А. Суханова в своих работах говорит о том, что виктимность является деформационным нарушением в результате неблагополучных детско-родительских отношений (Суханова, 2020). О. О. Андронникова раскрывает суть когнитивного компонента виктимного поведения, подразумевая под ним совокупность представлений о себе как о личности, которая испытывает притеснение со стороны общества (Андронникова, 2015). З. Р. Танаева говорит о том, что отсутствие реализации воспитательной функции по отношению к детям в неблагополучных семьях затрудняет их социально-психологическую адаптацию и часто увеличивает для ребенка риск оказаться жертвой антиобщественных действий (Танаева, 2015). Однако даже в неблагополучных семьях не все дети демонстрируют виктимное поведение.

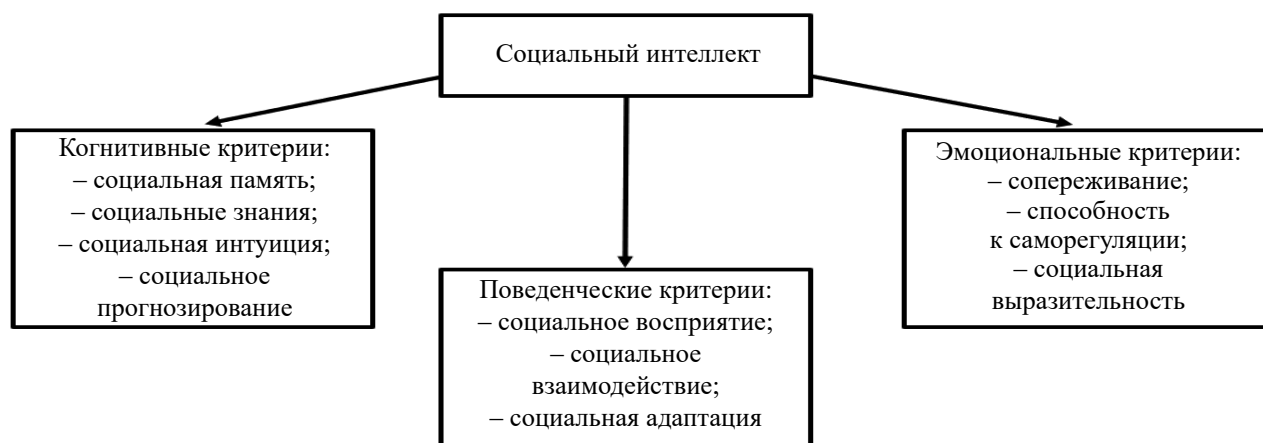
В работах М. Энвера и А. Каукайнена в качестве важного фактора, определяющего успешность адаптации подростка к социуму, указывается социальный интеллект (Anwer, 2017; Kaukiainen et al., 1999). А. Каукайнен отмечает наличие взаимосвязи между социальным интеллектом, эмпатией и агрессивностью личности, что, несомненно, во многом определяет вероятность реализации виктимного поведения (Kaukiainen et al., 1999). Активное развитие социального интеллекта начинается в младшем школьном возрасте, когда при поступлении в школу первоклассник попадает в ситуацию, где он должен строить взаимоотношения с учителем и сверстниками (Прихожан, 2010). В этот период расширяется круг общения ребенка, формируется его сензитивность, социально перцептивные способности, способность переживать за другого без прямого осознания его чувств, навыки и умение вставать на сторону другого человека и принимать его точку зрения, а также отличать свое мнение от других возможных, из чего и складывается социальный интеллект (Эльконин, 2005). Э. Эриксон в своих работах указывал на важность роли социального интеллекта в подростковом возрасте. Он говорил о том, что в подростковом возрасте формированию личностной целостности всегда сопутствует высокая психологическая напряженность и подростки переживают ее по-разному, в зависимости от окружения и от уровня социального интеллекта (Эриксон, 1996). С. Пабиан в своей работе отмечает взаимосвязь между уровнем развития социального интеллекта и буллингом в подростковом возрасте: недостаточно развитый социальный интеллект повышает для подростка риски стать жертвой буллинга, что связано с недостаточным пониманием мотивов поведения других, а также с отсутствием социальной поддержки (Pabian & Vandebosch, 2016). Высокий социальный интеллект, который состоит в понимании сущности взаимоотношений между людьми, существенно облегчает данный процесс и не приводит к кризису идентичности.

В формирование нынешних представлений о социальном интеллекте существенный вклад привнесли исследования Дж. Гилфорда, который разработал многофакторную модель интеллекта (Guilford, 1959). Данная модель интеллекта была представлена в виде куба с тремя осями координат. Согласно модели, в блок социального интеллекта входит не менее 30 способностей и некоторые из них имеют отношение к пониманию поведения, другие – к его оценке, а некоторые – к продуктивному мышлению в области поведения. Дж. Гилфорд изучал социальный интеллект как совокупность относительно самостоятельных и независимых от общего интеллекта интеллектуальных способностей, которые взаимосвязаны с познанием поведенческих факторов (Guilford, 1959). С онтогенетической точки зрения социальный интеллект формируется позже, чем общий интеллект и позже, чем эмоциональный. Его развитие побуждается началом школьного обучения, когда происходит существенное расширение круга общения и пополнение его разнообразия: появляются дети, которые имеют иной социальный статус, материальное положение и воспитание. Учась взаимодействовать с другими людьми, школьник обретает способность к эмпатии и способность поставить себя на место другого человека, дифференцируя при этом свое мнение и чужое (Юдина, 2017). Д. Б. Эльконин с социальным интеллектом связывал процесс формирования самосознания и говорил о том, что самосознание делает возможным более точное понимание мыслей, мотивов и поступков других людей (Эльконин, 2005). Согласно А. И. Прихожан и Л. А. Варламовой, формирование социального интеллекта ускоряет усвоение социальных норм, ролей, норм морали и приводит к формированию паритетных отношений в «подростковом» обществе (Прихожан, 2010; Варламова, 2016). Именно в этой ситуации наиболее ярко проявляются личностные и характерологические черты, которые были заложены в раннем детстве: при вы-

раженном авторитарном стиле воспитания может сформироваться безоговорочное повиновение лидерам, что, с одной стороны, исключает отстаивание собственных интересов, а с другой стороны – взятию ответственности на себя за свои собственные действия. Жёсткие способы воспитания и эмоциональная холодность в семье способствует формированию девиантных моделей поведения, в том числе, алкогольной или наркотической зависимости. В данном случае, подросток может не стремиться к таким формам поведения самостоятельно, но попасть под влияние более сильных личностей, которые навязывают такие модели поведения. А. И. Савенков в своей работе, посвященной изучению структуры социального интеллекта, на основе анализа различных моделей социального интеллекта предлагает свою, которая представлена когнитивными, эмоциональными и поведенческими критериями (Савенков, 2006) (рисунок 1).

Рисунок 1

Модель социального интеллекта по А. И. Савенкову

Описывая социальный интеллект как совокупность понимания особенностей социального и межличностного взаимодействия, а также способности к управлению своими эмоциями, А. И. Савенков указывает на существенную роль эмпатии в структуре интеллекта и говорит о том, что именно благодаря эмпатии человек может разрешать возникающие в социуме конфликты мягко, без агрессии и в то же время, не становясь жертвой конфликта (Савенков, 2018). Таким образом, **основной целью** данной работы является изучение особенностей социального интеллекта у подростков со склонностью к виктимному поведению. Основными задачами исследования являлись выявление подростков с различным уровнем склонности к виктимному поведению и изучение особенностей его проявлений, а также выявление особенностей социального интеллекта у подростков с различным уровнем виктимности. В основу работы легли такие теоретико-методологические подходы, как теория образа жизни М. Хайндленга, согласно которой виктимизация объясняется жизненным стилем личности в целом и степенью взаимодействия с жертвами (Hindelang et al., 1978), а также теория социального интеллекта Дж. Гилфорда, о которой упоминалось ранее (Guilford, 1959).

Материалы и методы

В соответствии с поставленными целями и задачами, в исследовании были использованы следующие методики:

- 1) Методика диагностики виктимного поведения О. О. Андронниковой (Андронникова, 2015);
- 2) Тест социального интеллекта Дж. Гилфорда в адаптации Е. С. Михайловой (Михайлова, 1996);
- 3) Опросник «Тип ролевой виктимности» М. А. Одинцовой (Одинцова, 2013).

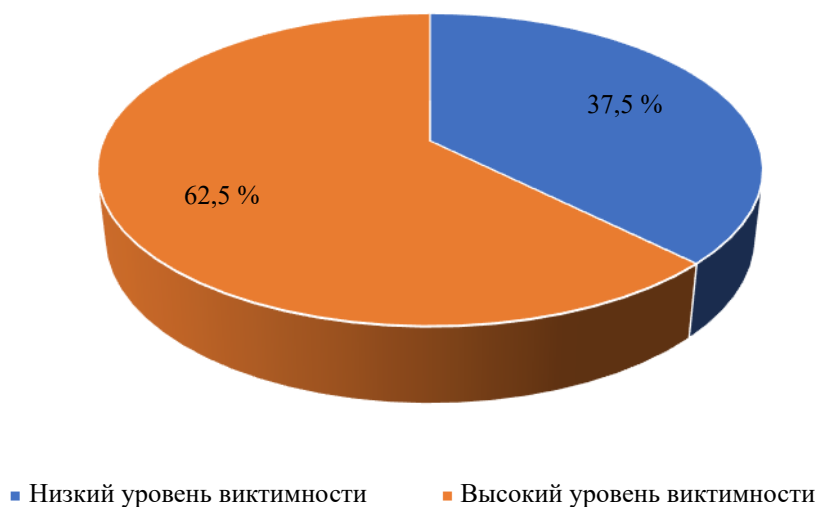
Для установления взаимосвязей между показателями виктимности и компонентами социального интеллекта был использован критерий ранговой корреляции Спирмена; для статистического подтверждения различий между группами был использован U-критерий Манна-Уитни.

Результаты исследования

Исследование проводилось на базе МБОУ «Школа-лицей №3 им. А. С. Макаренко» г. Симферополя, а также МБОУ «СОШ № 23» г. Симферополя. В исследовании приняли участие 78 обучающихся 10-11 классов в возрасте от 15 до 17 лет, из них 43 девушки и 35 юношей. В ходе исследования все испытуемые были разделены на две неравные группы по результатам диагностики методики М. А. Одинцовой «Тип ролевой виктимности» (рис. 2). Первая группа представлена 21 испытуемым, у которых был выявлен низкий и ниже среднего уровень виктимности (37,5%). Вторая группа представлена 35 испытуемыми, которые продемонстрировали высокий уровень виктимности и показатели выше среднего (62,5%). Поскольку основной целью данного исследования является изучение особенностей социального интеллекта подростков с выраженной виктимностью, испытуемые со средним уровнем виктимности в выборку не вошли.

Рисунок 2

Показатели виктимности респондентов (в %)

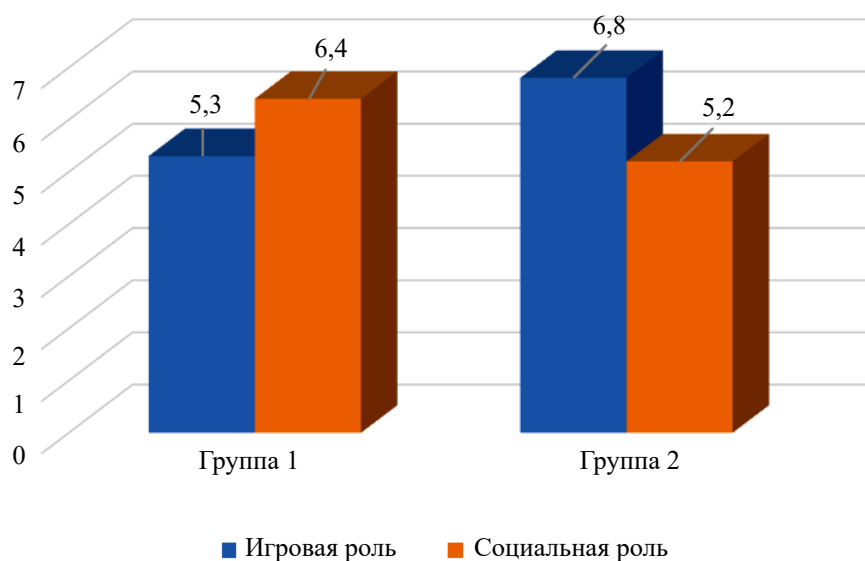

Таким образом, доля респондентов с выраженной виктимностью существенно преобладает по сравнению с процентом тех, у кого уровень поведения жертвы не выражен. Послетестовая беседа показала, что среди респондентов с высоким уровнем виктимности преобладают люди ранимые и обидчивые. Они очень чувствительно реагируют на перемены в настроении других людей, однако не всегда понимают причины этих перемен. Для респондентов с низким уровнем виктимности характерен в целом позитивный эмоциональный фон, более выраженная удовлетворенность повседневной деятельностью и более выраженный эмоциональный контроль. Важно отметить, что в послетестовой беседе большинство представителей этой группы отмечали, что в конфликтных ситуациях для них более важно достичь определенного результата, чем выяснять отношения с оппонентом. Это указывает на то, что они менее ранимы и чувствительны по сравнению с респондентами другой группы.

На рисунке 3 представлены средние показатели по различным типам виктимности в группах с низкой и высокой виктимностью. Из данного рисунка видно, что у подростков с низкой виктимностью преобладает социальная роль жертвы, а у подростков с высокой виктимностью – игровая роль жертвы. Это говорит о том, что подростки, которые не склонны к виктимному поведению, попадают в сложные ситуации чаще по объективным причинам, у них отсутствует манипулятивный компонент и вторичная выгода от роли жертвы. Скорее, наоборот: они стремятся отделаться от негативного ярлыка «козла отпущения». Они обычно обладают высокой рефлексивностью и хорошим пониманием происходящего и оказываются в роли жертвы скорее вынужденно.

Рисунок 3

Выраженность типов виктимного поведения в группах с низкой и высокой виктимностью

Подростки, которые склонны к виктимному поведению, в большинстве случаев осознанно используют роль жертвы в целях манипулирования другими и получения поддержки от нужных людей. Примечательно то, что социальная роль жертвы характеризует личность как ригидную, имеющую трудности в адаптации, что также создает трудности для построения как ближайшей, так и более долгосрочной жизненной перспектив. Различия, выявленные в результате диагностики типов виктимного поведения, статистически подтверждены и представлены в таблице 1 (в таблице приведены результаты только по тем шкалам, которые продемонстрировали статистически значимые различия).

Таблица 1

Значимые различия по типам виктимного поведения в группах 1 и 2

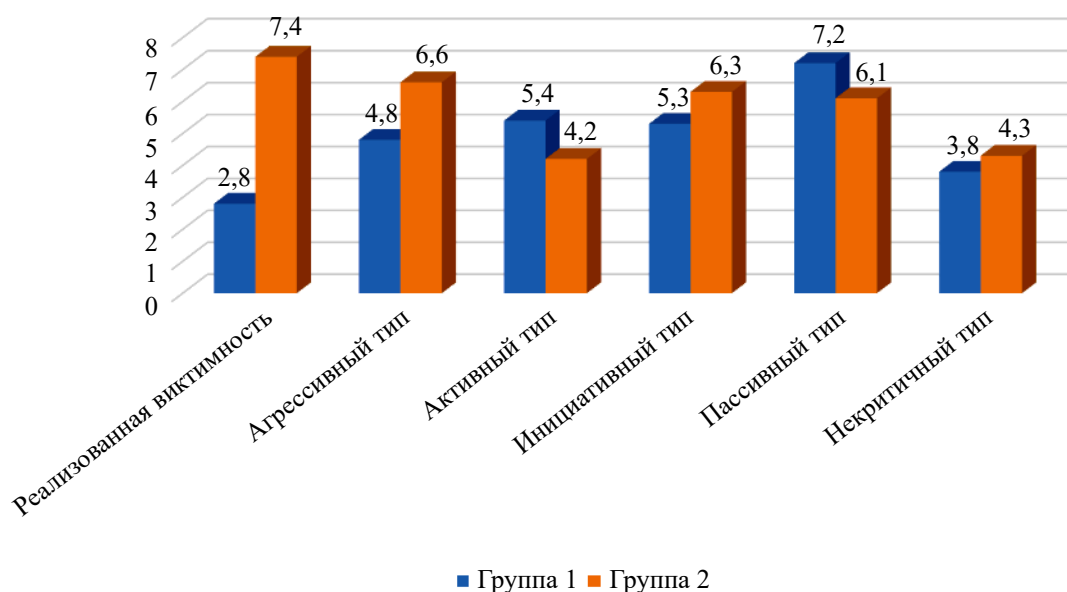
Тип виктимного поведения	Среднее		U _{эмп.}	U _{кр.}
	Группа 1	Группа 2		
Игровая роль	5,3	6,8	243	$p \leq 0,05$
Социальная роль	6,4	5,2	231	$p \leq 0,05$

Примечание: $p \leq 0,05$ – 5 % уровень значимости.

На рисунке 4 представлены особенности виктимного поведения, характерные для подростков с низкой и высокой виктимностью.

Рисунок 4

Результаты диагностики виктимного поведения по методике О. О. Андронниковой

Для подростков с выраженной склонностью к виктимному поведению характерны проявления в рамках агрессивного типа жертвы, инициативного или пассивного. У подростков с невыраженной виктимностью наиболее выраженным является пассивный тип жертвы, менее выраженными являются активный и инициативный. Из этого следует, что подростки с выраженной склонностью к виктимному поведению зачастую провоцируют нападение на себя, склонны к демонстрации асоциального и противоправного поведения, в конфликтных ситуациях могут проявлять категоричное, независимое и обособленное мнение, чем также навлекают на себя агрессию. Подростки с невыраженной виктимностью оказываются в роли жертвы как «неосторожные подстрекатели» или «неосторожные самопричинители», что связано с поведением, в котором последствия не просчитаны наперед или поведением, которое руководствуется надеждой «авось все обойдётся». У подростков с преобладающим инициативным и агрессивным типами жертвы виктимное поведение обычно является результатом точно просчитанной реакции окружающих и зачастую основано на завышенной самооценке, а также на нетерпимости к «неприемлемому» поведению других. Как правило, сюда же добавляется эмоциональная неустойчивость, вспыльчивость и субъективная установка по отношению к объекту агрессии. Подростки, не склонные к виктимному поведению, в конфликтных ситуациях чаще всего не оказывают сопротивления в принципе, демонстрируя беспомощное состояние, которое также может расцениваться как сигнал к нападению. Активное виктимное поведение со стороны

подростков, не склонных к такому поведению, может проявляться в необдуманном, рискованном поведении, которое подвергает опасности и их самих, и тех, кто находится рядом с ними. Значимость различий подтверждена статистически и представлена в таблице 2.

Таблица 2

Значимые различия по преобладающим видам виктимного поведения в группах 1 и 2

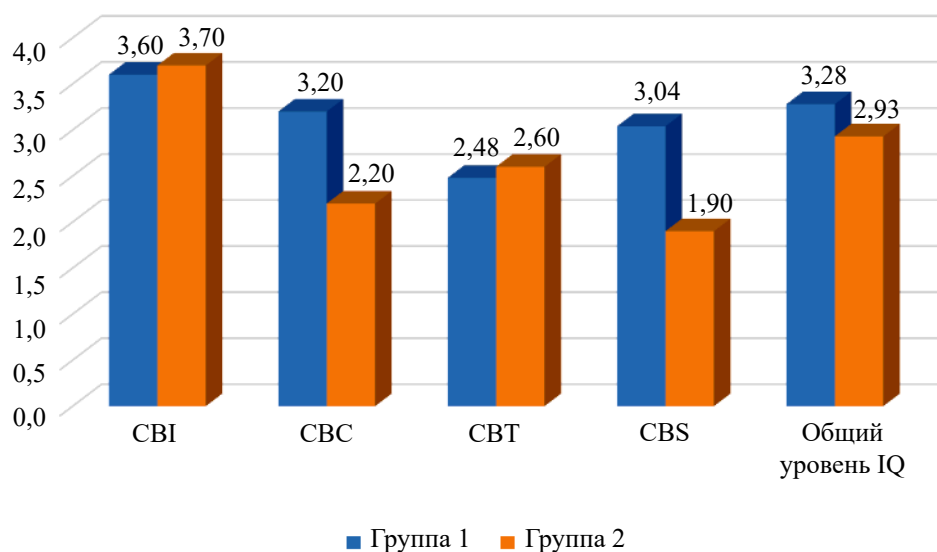
Тип виктимного поведения	Среднее		U _{эмп.}	U _{кр.}
	Группа 1	Группа 2		
Пассивный тип	7,2	6,1	218	$p \leq 0,01$
Инициативный тип	5,3	6,3	231	$p \leq 0,05$
Агрессивный тип	4,8	6,6	212	$p \leq 0,01$
Реализованная виктимность	2,8	7,4	184	$p \leq 0,01$

Примечание: $p \leq 0,05$ – 5 % уровень значимости; $p \leq 0,01$ – 1 % уровень значимости.

На рисунке 5 представлены результаты методики диагностики социального интеллекта Дж. Гилфорда. У подростков с низкой склонностью к виктимному поведению общий уровень социального интеллекта несколько выше, чем у их сверстников с высокой виктимностью. При этом наиболее значимые различия наблюдаются по шкалам СВИ (фактор познания классов поведения) и CBS (фактор познания систем поведения). По обоим факторам показатели выше в группе респондентов с низким уровнем виктимности.

Рисунок 5

Результаты диагностики социального интеллекта Дж. Гилфорда

Это говорит о том, что подростки, не склонные к виктимному поведению, лучше ориентируются в невербальном общении и лучше понимают логику развития ситуации взаимодействия людей с учётом контекста ситуации. Это может выступать в роли фактора их эмпатийности в общении, сензитивности по отношению к эмоциям и чувствам другого человека, что, безусловно, играет очень большую роль в межличностном взаимодействии. Во время послетестовой беседы подростки из группы с низким уровнем виктимности на вопрос о том, в каких случаях они могут проявить твердость и пойти на конфликт, а в каких – нет, отмечали, что «видно по лицу, стоит ли идти дальше» и «по тону голоса понятно, есть ли смысл продолжать». Ответы такого рода позволяют предположить более высокий уровень эмпатии и эмоционального интеллекта у подростков этой группы, что проявляется в умелом считывании невербальных сигналов.

По показателям CBI и CBT значимых различий нет, однако есть тенденция к незначительному преобладанию показателей по этим шкалам у подростков, которые склонны к виктимному поведению. Это означает, что подростки с выраженной виктимностью, вероятно, также способны хорошо ориентироваться в вербальных реакциях собеседников, имеют хорошие способности к прогнозу дальнейшего поведения и строят свое поведение с учётом последующей, прогнозируемой реакции. Однако они используют это не в целях избегания конфликта, а скорее

с целью манипулирования другими для получения выгоды. Респонденты с низкой виктимностью, предположительно, используют эти знания иначе, не прибегая к манипулированию, а пытаются построить паритетное межличностное взаимодействие. Значимость различий также подтверждена статистически и представлена в таблице 3.

Таблица 3

Значимые различия по методике социального интеллекта Дж. Гилфорда в группах 1 и 2

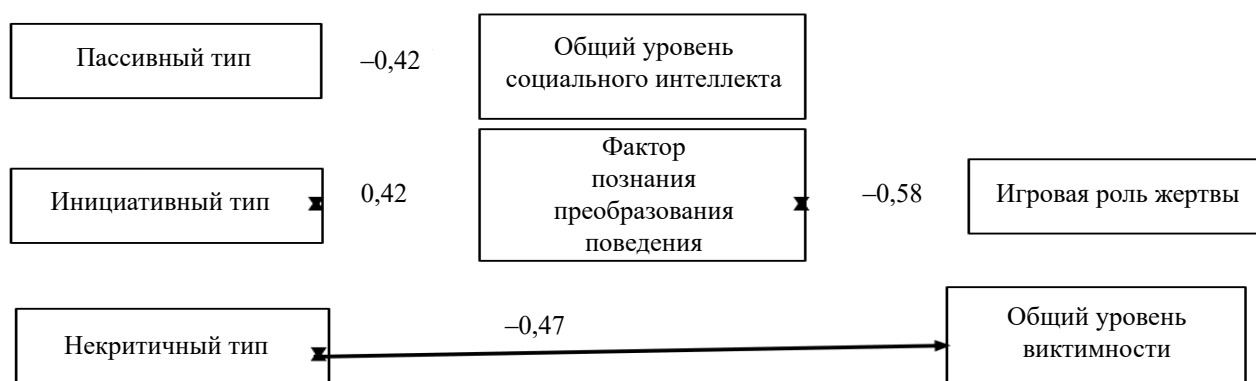
Компонент социального интеллекта	Среднее		$U_{\text{эмп.}}$	$U_{\text{кр.}}$
	Группа 1	Группа 2		
СВС	3,20	2,20	254	$p \leq 0,05$
CBS	3,04	1,90	189	$p \leq 0,01$
Общий уровень социального интеллекта	3,28	2,93	263	$p \leq 0,05$

Примечание: $p \leq 0,05$ – 5 % уровень значимости; $p \leq 0,01$ – 1 % уровень значимости.

На рисунке 6 представлены результаты корреляционного анализа между показателями виктимного поведения и социального интеллекта по обеим группам.

Рисунок 6

Корреляционная плеяда взаимосвязей между показателями социального интеллекта и виктимного поведения

Была выявлена отрицательная корреляционная связь между пассивным типом жертвы и общим уровнем социального интеллекта, а также положительная корреляция между инициативным типом жертвы и фактором познания преобразования поведения (СВТ). Это говорит о том, что высокий уровень социального интеллекта снижает вероятность использования пассивного типа жертвы и в то же время хорошая ориентация в вербальных реакциях собеседника повышает вероятность использования инициативного типа жертвы. Соответственно, чем выше уровень социального интеллекта, тем меньше риск оказаться в ситуации беспомощности, жертвенности и зависимости. Развитая вербальная экспрессия как понимание динамики сходных вербальных реакций человека в зависимости от содержания ситуации, в которой он находится, является фактором, увеличивающим вероятность формирования инициативного типа жертвы. Характеризуя личность смелую, решительную, требовательную и принципиальную, данный тип зачастую оценивается положительно со стороны окружающих и заключает в себе вторичную выгоду во имя справедливости.

Также такая взаимосвязь объясняется тем, что пассивный тип жертвы предполагает наличие низкой самооценки и установки на беспомощность, возможно даже выученную, что создает условия для вовлечения в критические, опасные ситуации с целью получения поддержки или сочувствия окружающих. В данном случае низкий социальный интеллект состоит в том, что подросток, использующий данный тип виктимного поведения, не просчитывает риск негативных последствий для себя, опираясь на особенности поведения других.

Отрицательная корреляционная связь между фактором преобразования познания поведения и игровой ролью жертвы говорит о том, что респонденты с хорошей ориентацией в вербальных реакциях собеседника редко используют игровую роль жертвы, т. е. не стремятся манипулировать. В то же время, именно игровая роль характерна для подростков с высоким уровнем виктимности. Отмечая особую пластичность и находчивость личности, использующей игровую роль жертвы, стоит также уточнить, что в некоторых случаях игровая роль жертвы является маскировкой внутренней проблемы. Отрицательная корреляция между некритичным типом жертвы и общим уровнем виктимности позволяет предположить то, что некритичный тип жертвы чаще встречается при неосмотрительности и неправильной оценке жизненных ситуаций, что может быть обусловлено либо недостаточным

интеллектуальным уровнем, либо определенными личностными чертами. В то же время виктимность зачастую предполагает хорошее понимание мотивов, которыми руководствуются другие люди и манипулирование ими.

Обсуждение результатов

Таким образом, виктимное поведение является результатом взаимодействия множества факторов, среди которых важно выделить особенности детско-родительских отношений, личностные и характерологические черты, специфику межличностного взаимодействия, наличия или отсутствия индивидуального опыта насилия. Учитывая возрастные характеристики подросткового возраста, к перечисленным факторам стоит добавить особенности прохождения периода самоутверждения в коллективе и становления определённого социального статуса в нем, а также особенности процесса формирования самооценки и самосознания. Особую роль в реализации виктимного поведения играет уровень социального интеллекта подростка. Особенности развития коммуникативных навыков, а также способности к прогнозированию дальнейшего поведения другого человека в контексте ситуации оказывают существенное влияние на то, окажется ли подросток в потенциально опасной для своей жизни и здоровья ситуации или нет. Социальный интеллект активно формируется и развивается в подростковом возрасте, что дает основания выделить этот возраст как значимый и для формирования виктимного поведения.

Результаты эмпирического исследования показали, что существует взаимосвязь между склонностью к виктимному поведению, особенностями его проявления и социальным интеллектом. В частности, подростки с хорошим пониманием невербальных реакций и способностями к прогнозированию дальнейшего поведения собеседника менее склонны к виктимному поведению. Те подростки, которые имеют выраженную склонность к виктимному поведению, характеризуются лучшим пониманием вербальных реакций и способны манипулировать поведением людей с опорой на их вербальные реакции. Эти данные не только подтверждают, но и расширяют более ранние исследования З. Р. Танаевой, в которых речь шла о выраженной внимательности к деталям у детей из неблагополучных семей, что выступало в роли одного из факторов их повышенной виктимности (Танаева, 2015). В работах Варламовой (2016) и Савенкова (2018) также указывалось, что социальный интеллект существенно снижает риск виктимного поведения, а результаты данного исследования позволили выявить не только количественные, но и качественные различия в уровне социального интеллекта у подростков с различной выраженностью виктимного поведения.

Согласно трактовке Одинцовой (2013), для большей части подростков, имеющих высокий уровень виктимности, характерен недостаточный уровень жизнестойкости или, скорее, размытые морально-нравственные ориентиры. Также для них характерно преобладание неконструктивных стилей поведения, к которым относятся манипуляции, избегание и агрессивное поведение, а также выраженная переменчивость в настроении. В концепции Одинцовой (2013), именно социальная роль жертвы является истинно виктимной. Однако в данном исследовании большинство респондентов с социальным типом жертвы не проявляют ригидность в межличностном взаимодействии и не имеют проблем с адаптацией. Игровая позиция в свою очередь основывается на скрытой мотивации, вторичной выгоде и является продуманной стратегией поведения по отношению к другим людям. Одинцова (2013) называет такой тип аутовиктимным. Обладая такими характеристиками, как выученная инфантильность, демонстративность, избегание ответственности, индивид реализует данный тип жертвы через использование внешнего ресурса для решения внутренней проблемы.

Опираясь на результаты по методике диагностики социального интеллекта Дж. Гилфорда было выявлено, что для подростков, склонных к виктимному поведению, социальный интеллект выступает больше в роли инструмента для манипулирования другими, а для подростков с низкой виктимностью – для построения более длительных и устойчивых взаимоотношений. Примечательно также то, что виктимность в целом связана с некритичным типом жертвы, что поясняет «случайность» попадания подростка в ситуацию жертвы недостаточным уровнем интеллекта и способностей к прогнозированию. Полученные результаты имеют высокую практическую ценность в работе с трудными подростками, а также в работе с вопросами, связанными с адаптацией подростков к социуму.

Список литературы

- Андронникова, О. О. (2015). Теоретический анализ основных современных теорий виктимизации, разработанных в рамках зарубежной науки. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 4–1(64), 54–57.
- Варламова, Л. А. (2016). Особенности социального интеллекта современных школьников. *Филологические науки: вопросы теории и практики*, 10–1(64), 170–174.
- Вишневецкий, К. В. (2021). Социальный аспект криминальной виктимологии. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 3, 136–140.
- Малкина-Пых И. Г. (2022). *Виктимология. Психология поведения жертвы*. Питер.
- Михайлова, Е. Л., и Грушевский, Д. Н. (2015). Социально-педагогическая профилактика виктимного поведения подростков в образовательных учреждениях. *Вестник віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта*, 4(88), 98–104.
- Михайлова, Е. С. (1996). *Методика исследования социального интеллекта: Адаптация теста Дж. Гилфорда и М. Салливена: Руководство по использованию*. СПб.: Иматон.
- Одинцова, М. А. (2012). Ролевая виктимность в поведении подростков из социально незащищенных семей. *Психологическая наука и образование*, 3, 32–40.

- Одинцова, М. А. (2013). *Типы поведения жертвы. Диагностика ролевой виктимности*. Бахрах-М.
- Петровских, В. Д. (2023). Склонность к виктимному поведению у подростков, особенности его проявления. *Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива*, 1(13), 56–61.
- Прихожан, А. И. (2010). *Тревожность у детей и подростков: психология природы и возрастная динамика*. МПСИ.
- Пучкова, Л. Л. (2020). Социально-психологические факторы виктимного поведения студенческой молодёжи. *Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология*, 6(72)(1), 93–104.
- Ривман, Д. В., и Устинов, В. С. (2000). *Виктимология*. Питер.
- Савенков, А. И. (2006). Эмоциональный и социальный интеллект как предикторы жизненного успеха. *Вестник практической психологии образования*, 3(1), 30–38.
- Савенков, А. И. (2018). Структура социального интеллекта. *Современная зарубежная психология*, 7(2), 7–15.
- Суханова, А. А. (2020). К вопросу о объеме и содержании понятия «жертва»: обзор теоретических позиций виктимологической науки. *Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право*, 5(1), 27–30.
- Танаева, З. Р. (2015). Семейное неблагополучие как фактор виктимизации несовершеннолетних. *Виктимология*, 2(4), 30–35.
- Франк, Л. В. (1972). *Виктимология и виктимность*. Политиздат.
- Эльконин, Д. Б. (2005). *Психическое развитие в детских возрастах*. ИПП.
- Эриксон, Э. (1996). *Детство и общество*. Весна.
- Юдина, И. И. (2017). Социальный интеллект как один из факторов успешного развития в подростковом возрасте. *Современная терапия в психиатрии и неврологии*, 2, 29–32.
- Anwer, M., Malik, N. I., Maqsood, A., & Rehman, G. (2017). The moderating role of social intelligence in explaining attachment style and emotional intelligence among young adults. *Pakistan Journal of Psychology*, 48(2), 3–20.
- Guilford, J. P. (1959). Three faces of intellect. *American Psychologist*, 14.
- Hindelang, M. J., Gottfredson, M. R., & Garofalo, J. (1978). *Victims of personal crime: An empirical foundation for a theory of personal victimization*. Ballinger.
- Kaukiainen, A., Björkqvist, K., Lagerspetz, K., Österman, K., Salmivalli, C., Rothberg, S., & Ahlbom, A. (1999). The relationships between social intelligence, empathy and three types of aggression. *Aggressive behavior*, 25(2), 81–89. [http://dx.doi.org/10.1002/\(SICI\)1098-2337\(1999\)25:2%3C81::AID-AB1%3E3.0.CO;2-M](http://dx.doi.org/10.1002/(SICI)1098-2337(1999)25:2%3C81::AID-AB1%3E3.0.CO;2-M)
- Pabian, S., & Vandebosch, H. (2016). Developmental trajectories of cyber (bullying) perpetration and social intelligence during early adolescence. *Journal of Early Adolescence*, 36(2), 145–170. <http://dx.doi.org/10.1177/0272431614556891>

References

- Andronnikova, O. O. (2015). Theoretical analysis of the main modern theories of victimization developed within the framework of foreign science. *Bulletin of Kemerovo State University*, 4–1(64), 54–57. (In Russ.)
- Anwer, M., Malik, N. I., Maqsood, A., & Rehman, G. (2017). The moderating role of social intelligence in explaining attachment style and emotional intelligence among young adults. *Pakistan Journal of Psychology*, 48(2), 3–20.
- Elkonin, D. B. (2005). *Mental development in childhood ages*. IPP. (In Russ.)
- Erikson, E. (1996). *Childhood and society*. Spring. (In Russ.)
- Frank, L. V. (1972). *Victimology and victimhood*. Politizdat. (In Russ.)
- Guilford, J. P. (1959). Three faces of intellect. *American Psychologist*, 14.
- Hindelang, M. J., Gottfredson, M. R., & Garofalo, J. (1978). *Victims of personal crime: An empirical foundation for a theory of personal victimization*. Ballinger.
- Kaukiainen, A., Björkqvist, K., Lagerspetz, K., Österman, K., Salmivalli, C., Rothberg, S., & Ahlbom, A. (1999). The relationships between social intelligence, empathy and three types of aggression. *Aggressive behavior*, 25(2), 81–89. [http://dx.doi.org/10.1002/\(SICI\)1098-2337\(1999\)25:2%3C81::AID-AB1%3E3.0.CO;2-M](http://dx.doi.org/10.1002/(SICI)1098-2337(1999)25:2%3C81::AID-AB1%3E3.0.CO;2-M)
- Malkina-Pykh, I. G. (2022). *Victimology. The psychology of victim behavior*. Piter. (In Russ.)
- Mikhailova, E. L., & Grushevsky, D. N. (2015). Social and pedagogical prevention of adolescent victimization behavior in educational institutions. *Vestnik vitsiebskogo dzyarzhiaunnaia universtitet*, 4(88), 98–104. (In Russ.)
- Mikhailova, E. S. (1996). *Methodology for the Study of Social Intelligence: Adaptation of the J. Guilford and M. Sullivan Test: A Guide to Use*. SPbU.: Imaton. (In Russ.)
- Odintsova, M. A. (2012). Role victimhood in the behavior of adolescents from socially disadvantaged families. *Psychological Science and Education*, 3, 32–40. (In Russ.)
- Odintsova, M. A. (2013). *Types of victim behavior. Diagnosis of role victimization*. Bakhrakh-M. (In Russ.)
- Pabian, S., & Vandebosch, H. (2016). Developmental trajectories of cyber (bullying) perpetration and social intelligence during early adolescence. *Journal of Early Adolescence*, 36(2), 145–170. <http://dx.doi.org/10.1177/0272431614556891>
- Petrovskikh, V. D. (2023). Tendency to victimization behavior in adolescents, peculiarities of its manifestation. *Society, Law, Statehood: Retrospectiva i perspektiva*, 1(13), 56–61. (In Russ.)
- Prikhozhan, A. I. (2010). *Anxiety in children and adolescents: psychology of nature and age dynamics*. MPSI. (In Russ.)

- Puchkova, L. L. (2020). Socio-psychological factors of victimization behavior of student youth. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'noye universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Sociology. Pedagogy. Psychology*, 6(72)(1), 93–104. (In Russ.)
- Rivman, D. V., & Ustinov, V. S. (2000). *Victimology*. Piter. (In Russ.)
- Savenkov, A. I. (2006). Emotional and social intelligence as predictors of life success. *Vestnik Practical Psychology of Education*, 3(1), 30–38. (In Russ.)
- Savenkov, A. I. (2018). The structure of social intelligence. *Sovremennaya zarubezhnaya psichologiya*, 7(2), 7–15. (In Russ.)
- Sukhanova, A. A. (2020). To the question of the scope and content of the concept of “victim”: a review of theoretical positions of victimological science. *Vestnik of Chelyabinsk State University. Series: Law*, 5(1), 27–30. (In Russ.)
- Tanaeva, Z. R. (2015). Family dysfunction as a factor of victimization of minors. *Victimology*, 2(4), 30–35. (In Russ.)
- Varlamova, L. A. (2016). Features of social intelligence of modern schoolchildren. *Philological sciences: issues of theory and practice*, 10–1(64), 170–174. (In Russ.)
- Vishnevetsky, K. V. (2021). Social aspect of criminal victimology. *Humanities, socio-economic and social sciences*, 3, 136–140. (In Russ.)
- Yudina, I. I. (2017). Social intelligence as one of the factors of successful development in adolescence. *Modern Therapy in Psychiatry and Neurology*, 2, 29–32. (In Russ.)

Об авторе:

Елена Юрьевна Кольчик, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова (Российская Федерация, 295015, г. Симферополь, пер. Учебный, 8), [ORCID](https://orcid.org/0000-0001-9151-1010), egyptshore@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Elena Yurievna Kolchik, Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor, Psychology Department, Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov (8, Uchubny per., Simferopol, 295015, Russian Federation), [ORCID](https://orcid.org/0000-0001-9151-1010), egyptshore@yandex.ru

Conflict of interest: The author does not have any conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 05.08.2024

Поступила после рецензирования / Revised 08.11.2024

Принята к публикации / Accepted 26.11.2024

КОРРЕКЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ДЕФЕКТОЛОГИЯ CORRECTIONAL PSYCHOLOGY AND DEFECTOLOGY

УДК 376.3

Оригинальное теоретическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-6-46-55>

Сходства и различия коррекционной работы с детьми с кохлеарным имплантом и детьми с сенсорной алалией

Елена В. Гришина

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ Elfhiyca@mail.ru

WQYCAN

Аннотация

Введение. Данная статья посвящена анализу работ, изучающих особенности развития и коррекционной работы с детьми, обладающими нарушениями в восприятии речи: глухих детей, перенесших кохлеарную имплантацию, и детей с сенсорной алалией. Актуальность данного исследования вызвана запросами практики. Каждый год в России и за рубежом растет количество детей с сенсорной алалией, а также детей с нарушениями слуха, скомпенсированными кохлеарным имплантом. В связи с увеличением их числа все больше встает вопрос о том, по каким принципам строить коррекционную программу для таких детей, какие особенности необходимо при этом учитывать.

Цель. Обозначить общие направления коррекционной работы с данными нозологическими группами, исходя из существующих у них нарушений.

Особенности детей с сенсорной алалией. По данным исследователей, основой нарушения речевого развития детей с сенсорной алалией является невозможность осмысления речи в связи с существующими нарушениями в височных областях мозга. Дети с сенсорной алалией отличаются отставанием в развитии речи, скудностью слуховой памяти, трудностями произвольного внимания, сверхчувствительностью к звукам.

Особенности детей с кохлеарным имплантом. В результате анализа литературы по вопросам развития детей, перенесших имплантацию, нами выделены такие их особенности, как задержка речевого развития, вызванная проблемами в восприятии речи, проблемы в области распределения внимания, слабое развитие понятийного мышления и ухудшение функций памяти.

Обсуждение результатов. Главным сходством выделенных нозологических групп является отсутствие способности понимать смысл слова и связывать звуковой стимул с его значением. Исходя из выделенных особенностей таких детей мы приходим к выводу о необходимости проведения с ними коррекционной работы, основанной на стимулировании ребенка к контакту со взрослым через речь и создание ситуации успеха. На начальных этапах реабилитации ребенок должен научиться распознавать звуки, определять их источник и направление. На следующих этапах происходит расширение словарного запаса и изучение грамматики.

Ключевые слова: сенсорная алалия, глухие дети, восприятие речи, коррекционная работа, кохлеарный имплант

Для цитирования. Гришина, Е. В. (2024). Сходства и различия коррекционной работы с детьми с кохлеарным имплантом и детьми с сенсорной алалией. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 7(6), 46–55. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-6-46-55>

Original Theoretical Research

Similarities and Differences of Correctional Work with Children with Cochlear Implant and Children with Sensory Alalia

Elena V. Grishina

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ Elfhiyca@mail.ru

Abstract

Introduction. This article is devoted to the analysis of works studying the peculiarities of development and correctional work with children with speech perception disorders: deaf children who have undergone cochlear implantation and children with sensory alalia. The relevance of this study is caused by the demands of practice. Every year in Russia

and abroad the number of children with sensory alalia and children with hearing impairment compensated by cochlear implants is growing. In connection with the increase in their number, the question of what principles should be used to build a correctional program for such children and what features should be taken into account.

Objective. To outline general directions of correctional work with these nosological groups, based on their existing disorders.

Features of children with sensory alalia. According to researchers, the basis of impaired speech development of children with sensory alalia is the inability to comprehend speech due to existing disorders in the temporal regions of the brain. Children with sensory alalia are characterized by a lag in speech development, scant auditory memory, difficulties of arbitrary attention, hypersensitivity to sounds.

Characteristics of children with a cochlear implant. As a result of a review of the literature on the development of children with implants, we have identified such features as delayed speech development caused by problems in speech perception, problems in attention allocation, poor conceptual thinking, and impaired memory functions.

Discussions. The main similarity of the selected nosological groups is the lack of the ability to understand the meaning of words and to connect the sound stimulus with its meaning. Based on the identified features of such children, we conclude that it is necessary to conduct corrective work with them, based on stimulating the child to contact with an adult through speech and creating a situation of success. At the initial stages of rehabilitation, the child should learn to recognize sounds, identify their source and direction. The next stages include vocabulary expansion and grammar learning.

Keywords: sensory alalia, deaf children, speech perception, remedial work, cochlear implant

For Citation. Grishina, E. V. (2024). Similarities and differences of correctional work with children with cochlear implant and children with sensory alalia. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*, 7(6), 46–55. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-6-46-55>

Введение

По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) от нарушений слуха страдают примерно 360 млн человек. В России проблемы, связанные со снижением слуха, наблюдаются у 13 млн человек, из них 1 млн – это дети и подростки до 18 лет. Ежегодный прирост численности детей с врожденными заболеваниями слуха составляет 1,5 тыс. и около 2 тыс. детей – с приобретенными нарушениями слуха. На 1 тыс. нормально слышащих новорожденных приходится один ребенок с выраженной степенью тугоухости. К 2050 г. по прогнозу ВОЗ ожидается увеличение количества людей с нарушением слуха на 30 % (Туфатулин и др., 2021). Патология слуха негативно отражается на речевом развитии ребенка, поскольку именно слух играет важную роль в развитии на начальных этапах онтогенеза: с его помощью ребенок учится распознавать голоса, имитировать звук, слышать сигналы опасности, ориентироваться, общаться с другими детьми и развивать коммуникативные навыки (Калачева и Третьякова, 2011).

Нормальное развитие слухового анализатора является важным фактором для формирования второй сигнальной системы (Богданова, 2002). При этом, как показали многочисленные исследования, для развития речи важна интеграция информации, поступающей от разных сенсорных систем (Hillock et al., 2011; Polley et al., 2008), в первую очередь – аудиовизуальной информации (Carriere et al., 2007). Сенситивный период процесса данной полисенсорной интеграции приходится на детский и подростковый возраст (Wightman et al., 2006; Lewkowicz & Ghazanfar, 2009). Конечно, на данный момент существуют способы, позволяющие преодолеть нарушение слуха с использованием технологий, например – кохлеарная имплантация. Однако нельзя утверждать, что дети, перенесшие имплантацию, полностью избавляются от последствий патологии и не имеют проблем с развитием речи. Таким образом, нарушения слуха могут приводить к возникновению проблем в области понимания речи и собственно говорения, однако нарушения слуха не являются единственной причиной, приводящей к таким последствиям. Также это может происходить при таких вариантах патологического процесса, как, например, при грубых органических поражениях мозга, приводящих к нарушению не физического, а специального слуха, необходимого для овладения речью.

Вопросам отсутствия речи при сохранном физическом слухе стали уделять внимание еще в конце XIX в., когда Р. Кoen описал данное явление и дал ему определение «слухонемота». В 1901 г. А. Либманном были выделены моторная, сенсорная и сенсомоторная слухонемота. Начиная с середины XX в. исследователи стали активно изучать явление безречия (алалии) у детей, возникающее в результате недостаточности фонематического слуха. В настоящее время в научных кругах продолжается дискуссия относительно того, нарушение какой именно стороны речевой функции, включающей в том числе и слуховое восприятие, является первичным в патогенезе алалии (Визель et al., 2019). Стоит отметить, что несмотря на различия в области нарушений, в психическом развитии детей с нарушениями слуха, перенесших кохлеарную имплантацию, и детей с сенсорной алалией существуют некоторые схожести. Этот факт дает нам основания полагать, что методы и способы коррекционной работы, применяемые в работе с детьми, чьи нарушения входят в одну из выделенных групп, будут также продуктивны и в работе с детьми с другим нарушением. В связи с вышесказанным цель нашего исследования состоит в выделении общих направлений коррекционной работы с детьми, перенесшими кохлеарную имплантацию, и детьми с сенсорной алалией. Практическая значимость такого исследования заключается в возможности разработки индивидуальных программ ранней

коррекции и реабилитации для детей с различными слуховыми нарушениями на основании выделенных нами особенностей коррекционной работы, а также в оптимизации процесса обучения и социализации таких детей. Результаты исследования могут быть использованы специалистами в области педагогики, психологии, логопедии для повышения качества жизни детей с нарушениями слухового и речевого восприятия.

Особенности детей с сенсорной алалией

О. А. Захарова приводит данные относительно роста количества детей с непониманием речи, что является главным проявлением алалии (Захарова, 2012). Так, дети дошкольного возраста, страдающие алалией, составляют 1,0 % от общего их числа, дети младшего школьного возраста – 0,6 %, среднего и старшего – 0,2 %. По отношению ко всем формам патологии речевой деятельности у различных возрастных групп алалия составляет у детей примерно 4,0 %. Наиболее частой причиной развития алалии становятся дефекты речевых центров мозга, и, в зависимости от того, в каком именно центре локализуется нарушение, выделяют три формы алалии: сенсомоторная, моторная и сенсорная. В нашем исследовании мы сосредоточим свое внимание на сенсорном виде алалии, однако прежде кратко ознакомимся с двумя другими. Сенсомоторная алалия является смешанной по форме, объединяя расстройства, характерные как для моторной, так и для сенсорной алалии. Дети, страдающие сенсомоторной алалией, не понимают речь и не могут её воспроизвести, в связи с чем данную форму алалии также называют тотальной (Красноперова и Игнатъева, 2019). Моторная алалия чаще всего вызвана нарушениями в лобно-теменных областях (центр Брока) и проявляется в отклонениях в воспроизведении экспрессивной речи при сохранении понимания обращенной речи. То есть такие дети испытывают сложности в выражении собственных потребностей, чувств, эмоций (Красноперова и Игнатъева, 2019). Часто такие дети испытывают сложности даже с базовыми навыками самообслуживания в связи с проявлением симптомов, сопутствующих нарушениям речи. Среди таких симптомов можно выделить преимущественно нарушения, связанные с моторной функцией: нарушения координации, мелкой моторики, двигательное возбуждение или, наоборот, заторможенность, малоподвижность, высокая утомляемость.

Сенсорная алалия, обусловленная нарушениями в височной области (центр Вернике), напротив, проявляется в затрудненном понимании смысла речи при сохранении возможности её воспроизведения. Такие дети чаще всего характеризуются сверхчувствительностью к звуковым сигналам, повышенной речевой активностью, не сопровождающейся какой-либо смысловой нагрузкой, повторением обращенной речи. Также у таких детей сохраняется возможность использования невербальных знаков для объяснения своих намерений. До сих пор есть споры о причинах и физической локализации алалии в головном мозге, однако большинство представителей научного сообщества поддерживают точку зрения, что сенсорная алалия – это нарушение понимания речи вследствие недостаточности работы речеслухового анализатора при преимущественном поражении височной доли доминантного полушария (Королева, 2011). Исходя из определения, можно сделать вывод, что в данном нарушении важную роль также играет слуховой анализатор, только нарушение происходит на уровне воспринимающих и обрабатывающих структур головного мозга.

У ребенка с сенсорной алалией наблюдается разрыв между смыслом и звуковой оболочкой слов, нарушается понимание речи окружающих, несмотря на хороший слух и сохранность способности к развитию активной речи (Заболотная и др., 2013). Главной причиной отсутствия связи смысла слова и его звуковой формы является то, что возникающие под влиянием звучащего слова возбуждения не передаются в другие анализаторы. В связи с этим вся сложная динамическая структура, связанная со словом, не возбуждается (Волкова, 2009). У детей с сенсорной алалией имеется тяжелое нарушение аналитико-синтетической деятельности коркового конца речеслухового анализатора, в котором происходит первичный анализ речевых звуков. Все это приводит к тому, что слово не воспринимается как сигнал для ребенка, а звуки на ранних этапах жизни не несут для него информацию и не запускают речевые процессы. То есть звук, как и для глухого ребенка с имплантом не несет информацию и, соответственно, ничего не значит.

Базисные проявления сенсорной алалии приводят к дальнейшим трудностям:

- несформированность слухового гнозиса (акустико-гностических процессов) и фонематического восприятия;
- понижение способности к восприятию речевых звуков;
- нарушение слуховой памяти;
- гиперacusия (повышенная чувствительность к звукам, безразличным для окружающих);
- замыкательная акупатия (ребенок может иногда слышать определенные звуки, а иногда не воспринимать их вовсе) (Королева, 2011).

Поскольку сенсорная алалия является системным нарушением, страдают все аспекты речи, включая фонетико-фонематический, лексико-грамматический и синтаксический аспект. В случае сенсорной алалии первично страдает понимание речи, а выражение речи страдает во вторую очередь. При этом именно аудиальные и фонематические аспекты речи не активируются, что мешает ребенку развивать речевые навыки из-за отсутствия образца для подражания (Кабатина и Разуваева, 2018). При сенсорной алалии дети испытывают затруднения с произвольным вниманием из-за истощения слуховых функций. Взаимодействие с окружающими у таких детей обычно

ограничено близкими людьми, так как их речь является более интонационно окрашенной, что помогает ребенку лучше воспринимать информацию (Филиппова и др., 2016). При средней и тяжелой степени сенсорной алалии также могут проявляться вторичные нарушения, среди которых можно выделить следующие:

- задержка интеллектуального развития;
- нарушение концентрации внимания;
- неустойчивость памяти;
- импульсивность или, напротив, инертность;
- личностные нарушения (Красноперова и Кгнатъева, 2019).

Особенности детей с кохлеарным имплантом

За последние два десятилетия современные технологии кохлеарных имплантатов (КИ) значительно улучшили распознавание звуков, восприятие речи и качество жизни людей с нарушениями слуха (Bichey & Miyamoto, 2008). Кохлеарные импланты на сегодняшний день являются наиболее успешным методом лечения слухового восприятия у лиц с тяжелой или глубокой потерей слуха. Кохлеарный имплант ставят глухим детям, которые чаще всего не имели слухового опыта в жизни (Леонгард и др., 2011). Периферические нарушения не дают ребенку учиться воспринимать речь, запоминать слова и, самое главное, препятствуют возникновению и развитию коммуникации с внешним миром. КИ преобразует звуки в последовательности электрических импульсов, которые стимулируют слуховой нерв. По нерву звуковая информация в виде электрических импульсов передается дальше в слуховые центры мозга. Таким образом имплант заменяет поврежденные волосковые клетки улитки у детей с нарушением слуха (Королева, 2011).

На первых этапах послеоперационного периода у детей быстро развивается слуховая чувствительность (их физическая возможность слышать), однако они еще не могут понимать большую часть звуковой информации, осмысливать речь. С течением времени и благодаря развитию слуха дети начинают подражать артикуляционным движениям, повторять отдельные слова или фразы, при этом развитие непосредственно понимания речи происходит позже. После подключения процессора ребенок слышит звуки и речь, хотя маленькие дети в первые дни и даже недели после подключения обычно не реагируют на звуки. Хорошо известно, что дети с долингвальной глухотой добиваются значительных успехов в слуховом восприятии после КИ (Svirsky et al., 2004). Раннее применение протезов ускоряет формирование нейронных связей и мозговых цепей за счет предоставления точечной стимуляции. Согласно исследованиям нейрофизиологов и нейропсихологов правильная структурированная стимуляция в раннем возрасте способствует полноценному функционированию нейронных сетей. Важно понимать, что отсрочка предоставления адекватной стимуляции увеличивает риск дегенерации нейронной системы, отвечающей за слух и речь. Именно поэтому выбор кандидатов для кохлеарной имплантации сосредоточен на детях до трех лет, чтобы обеспечить своевременное развитие центров, отвечающих за слух и речь в мозге (Ларина, 2022). Длительность периода, в течение которого ребенок начинает реагировать на звуки, зависит от того, когда он потерял слух, носил ли он постоянно слуховой аппарат, занимались ли с ним развитием слуха, каковы причины потери слуха. Чтобы он смог понимать речь других людей, ему нужно научиться не только слушать, но и анализировать звуки, узнавать значение многих слов (Королева, 2008). Получается, что мозг нужно научить слушать и обрабатывать входящую слуховую информацию.

Несмотря на то, что кохлеарный имплант значительно улучшает слуховое восприятие у детей с нарушением слуха, некоторые проблемы все же остаются. Так, например, у детей с кохлеарным имплантом страдает восприятие речи в случаях, когда голос собеседника недостаточно громкий, а также когда беседа идет одновременно с несколькими людьми (Ларина, 2022). Американские исследователи (Geers et al., 2003) рассмотрели различные факторы, оказывающие влияние на результаты восприятия речи у детей с долингвальной глухотой, которые использовали многоканальный кохлеарный имплант от 4 до 7 лет. Согласно их исследованию, дети с кохлеарными имплантами в среднем достигли около 50 % понимания речи только через слуховое восприятие и почти 80 % благодаря сочетанию чтения по губам и слушанию звуковой информации, также они значительно хуже понимают не обращенную к ним речь (Geers et al., 2003). Именно поэтому детям с кохлеарным имплантом требуется значительно больше времени для обработки речевой информации. В связи с этим такие дети сталкиваются с ограничениями в способности развивать речь естественным образом через «подслушивание». Это приводит к нарушениям в овладении речью, формировании представлений о мире и развитии социальных навыков (Ларина, 2022) и является причиной, по которой многие люди с нарушениями слуха, скорректированными кохлеарным имплантом, продолжают отставать в языковом развитии.

Исследования, проведенные в Великобритании (Khan et al., 2005), продемонстрировали, что у детей с КИ зрительная память работает лучше, чем слухоречевая, что указывает на ее компенсаторную роль. Однако связи между визуальным образом предмета и его аудиовизуальным наименованием у детей с КИ все же ослаблены. Это также сопровождается общей задержкой в развитии памяти и когнитивного контроля (Pisoni et al., 2010). N. Bunford, S. W. Evans, S. P. Becker, J. M. Langberg также говорят о существовании трудностей в распределении и переключении внимания у таких детей в связи с необходимостью удержания внимания на визуальных образах

(Bunford et al., 2015). Эксперты отмечают, что основные трудности слухового восприятия у детей с кохлеарным имплантом проявляются в затруднениях с определением окончаний, предлогов, приставок и глухих согласных при общении. Также возникают сложности с определением местоположения звука в пространстве, особенно при односторонней имплантации у ребенка. Недостаточный словарный запас и трудности с пониманием абстрактных понятий существенно затрудняют успешное выполнение задач даже при использовании визуальных образов в качестве поддержки (Ларина, 2022). По данным исследования В. Arfe характерными особенностями речевого проявления у детей с коммуникативными нарушениями являются нечёткость и упрощённость интонации, тихий голос, уменьшение объема речи по мере высказывания, замедленный темп и прерывистое дыхание. Снижение нейродинамических показателей также негативно сказывается на процессах памяти и внимания (Arfe, 2011). Ю. А. Русинова выделяет следующие особенности в развитии детей с кохлеарным имплантом: преобладание наглядной формы мышления, более развитая письменная речь, снижение темпов психического развития в сравнении с нормотипичными детьми (Русинова, 2020).

Обсуждение результатов

Раннее вмешательство в развитие детей с ограниченными возможностями здоровья является приоритетным направлением в России и во всем мире. Все чаще речь заходит о том, что при отсутствии речи необходимо раннее вмешательство и выяснение причин дизонтогенеза. Это имеет колоссальное значение, так как существуют критические для мозга периоды развития речевых центров – сенситивные периоды (Визель и др., 2019). Для детей раннего возраста, перенесших кохлеарную имплантацию, и детей с сенсорной алалией, требуется точная диагностика состояния слухоречевого развития с целью выявления имеющихся проявлений, уровня психоэмоционального развития и масштаба коррекционной работы (Волкова, 2003).

Мы можем заключить, что механизмы нарушений при сенсорной алалии и глухоте, скомпенсированной кохлеарным имплантом, различны. При этом общим остается то, что слово как единица речи у таких детей не воспринимается как сигнал, звуки не несут информацию и не запускают речевые процессы, мозг не умеет слышать и слушать, речевые центры мозга отличаются меньшей активностью. Соотнесение особенностей восприятия речи у детей с кохлеарным имплантом и у детей с сенсорной алалией представлено в таблице 1.

Таблица 1

Соотнесение особенностей речевого восприятия детей с кохлеарным имплантом и детей с сенсорной алалией

Показатель	Дети с кохлеарным имплантом	Дети с сенсорной алалией
Порог слухового восприятия	характеризуется стабильностью, устойчивостью, ниже которого дифференциация звуковых сигналов становится невозможной	характеризуется отсутствием четкого порога восприятия, мерцающим непостоянством слуховой функции: сигналы одинаковой громкости то воспринимаются, то не воспринимаются
Гиперакузия	отсутствует	имеется
Связь между словом и предметом	в результате специального обучения быстро устанавливается связь между словом и предметом и эта связь устойчивая	дети не могут образовывать связи между предметом и его названием, у них не формируется предметная соотнесенность слышимых и произносимых ими слов
Коммуникативность	более контактны	менее контактны

В результате изучения аспектов физиологического развития слухового восприятия и алгоритмов переработки информации у детей обеих групп становится понятно, что проявления этих нарушений достаточно похожи. Дети обеих нозологических групп имеют нарушения психофизического развития, коммуникации, развития речи. Таким образом, дети с сенсорной алалией и глухие дети с кохлеарной имплантацией схожи как минимум по одному главному признаку – проблемой с восприятием речи. У обеих нозологических групп это связано с неспособностью мозга правильно воспринимать и обрабатывать речевую информацию. Несмотря на разные причины, приводящие к нарушениям развития детей как с сенсорной алалией, так и с нарушением слуха при КИ, методика коррекционной работы с детьми обеих групп во многом совпадает. Так, на начальных этапах коррекционной программы важна работа не только с детьми, но и с их семьей, в связи с чем необходимо проводить информационную работу по повышению осведомлённости членов семьи относительно особенностей нарушения и факторов, влияющих на развитие нарушенной функции. Необходимо мотивировать родителей на участие в коррекционной программе и создание речевой среды для ребёнка в домашних условиях (Белоусова и Меркулова, 2016).

Основная цель коррекционной работы с данными категориями детей заключается в активации восприятия как неречевой информации (на начальных этапах), так и речевой. Коррекционная работа при этом проводится с опорой на сохранившиеся высшие психические функции. По этой причине занятия на ранних этапах должны включать доступные детям с сенсорной алалией и кохлеарным имплантом формы взаимодействия – в ходе занятий активно используются жесты, мимика, ритмические движения, рисование, в дальнейшем применяется подражание звукам животных. По мере успешного овладения неречевым материалом осуществляется переход к отработке произношения звуков, напоминающих упрощенные слова, с дальнейшим усложнением структур фонем и слогов в произносимых словах (Белоусова и Меркулова, 2016).

На первом этапе работы с детьми как с сенсорной алалией, так и с установленным кохлеарным имплантом, проводится адаптация ребенка к новому виду активности, устанавливается контакт с ним. Основная цель этого этапа – побудить интерес ребенка к занятиям, развитию речи. У детей обеих рассматриваемых групп наблюдаются сложности формирования предречевых навыков, которые являются основой коммуникации. Поэтому для успешной коррекции первоначально важно создать базу для общения – наладить коммуникацию и у сенсорного алалика, и у глухого проимплантированного ребенка. Как указано в таблице выше, дети с нарушением слуха более контактные, чем дети с сенсорной алалией, однако, проблема установления с ними контакта все равно существует. Поэтому самое важное на первом этапе работы с обеими нозологическими группами – это научить ребенка совместному разделенному вниманию, показать, что со взрослым гораздо интереснее общаться, что взрослый не безучастный объект, а человек, который может ему помочь. Таким образом, в начале коррекционной работы необходимо создать условия для речевой коммуникации, сделать эту коммуникацию привлекательной для ребенка. Дети обеих рассматриваемых нозологических групп могут быть похожи на детей с расстройством аутистического спектра, и, хотя в каждом конкретном случае приходится выбирать индивидуальные пути формирования речи, базовые принципы остаются общими:

- Формирование мотивации к развитию речевых способностей. В основе этого направления лежит необходимость продемонстрировать ребенку преимущества владения речью. Для этого в ходе коррекционной работы создаются такие реальные ситуации, которые могут быть разрешены различными способами – с помощью действий и с помощью речи. Например, ребенку очень хочется надуть воздушный шарик или запустить какую-то игрушку, но без взрослого сам он это сделать не может. Взрослый при общении с ребенком показывает, что при помощи речи в том или ином виде, можно добиться желаемого гораздо проще, чем если он будет принимать множество неудачных попыток в одиночку (Борозинец и др., 2022).

- Поощрение стремления детей к речи. Смысл данного принципа в том, что на начальном этапе не нужно добиваться четкости речи. Любая направленная к взрослому речь поощряется (Теплякова, 2014).

- Формирование всех компонентов языка в процессе доступных ребенку форм общения и видов деятельности.

- Первостепенная отработка семантического уровня речи (понимания), а затем – языкового. На первых этапах допускается запоминание названия предметов с помощью звукоподражаний, так как это проще дается ребенку.

На втором этапе коррекционной работы у детей обеих нозологических групп необходимо создать предпосылки для развития слухового восприятия, проводить работу по стимуляции неречевых и речевых зон мозга, проходя одни и те же этапы, учить детей различать звуки речи. Важно отметить, что для детей с кохлеарным имплантом данную работу необходимо проводить еще до операции и продолжать после установки импланта (Исаева, 2015). Основная цель этого этапа – создание условной реакции на звуки. Для достижения этой цели проводятся занятия, направленные на:

- определение источника звука;
- определение направления звука;
- определение различий в звуках;
- определение речевых и неречевых сигналов, их различение;
- определение различных форм речевых сигналов, например, фонем, слов (Исаева, 2015; Белоусова и Меркулова, 2016).

Для постепенного развития зон мозга, отвечающих за речь, у обеих нозологических групп важно, чтобы дети умели локализовать звук в пространстве, могли понять, есть звук или нет, распознавать заданный сигнал в шуме, понимать начало и окончание звучаний, различать музыкальные инструменты на слух, различать бытовые звучания, соотносить звучание предмета с изображением.

На следующем этапе коррекционная работа проводится в двух направлениях: развитие осмысленности речи и начало развития корректности речи за счет имитации речевых сигналов. Для развития способности воспринимать смысл речи на первых этапах желательно использовать в ходе занятий жесты, постепенно уменьшая их количество с течением времени (Исаева, 2015). Таким образом, основой, обеспечивающей коррекционную работу на данном этапе, становится зрительное восприятие. В связи с этим важно, чтобы ребенок видел источник звука, артикуляцию говорящего с ним взрослого, учился воспринимать письменный текст. На данном этапе ребенок

пополняет словарный запас, учится анализировать текст, отвечать по нему на вопросы, начинается обучение основам грамматики (Белоусова и Меркулова, 2016).

На четвертом этапе коррекционной работы с обеими нозологическими группами происходит развитие фонематической системы языка. Так, дети с сенсорной алалией и дети с кохлеарным имплантом постепенно учатся распознавать гласные звуки, как различающиеся по звучанию и артикуляции, так и схожие между собой. В дальнейшем акцент смещается на выделение согласного звука в слове и последующее различение согласных в словах. По мере усвоения предыдущих этапов ребенка обучают различать звуки, которые имеют схожие интонационные и артикуляционные характеристики, а также звуки, близкие по акустическим признакам (Исаева, 2015).

Важно учитывать тот факт, что у большинства детей рассматриваемых групп имеются различные сенсорные нарушения. В связи с чем в коррекционной работе необходимо остановиться на следующих аспектах:

- уделять внимание сенсомоторному развитию, давать вестибулярные и проприоцептивные ощущения;
- учить ребенка ориентироваться в пространстве тела и чувствовать его границы;
- формировать причинно-следственные связи, донести ребенку, что звук что-то значит (если был сигнал, значит будет какое-то действие следом);
- учить использовать жесты для выстраивания коммуникации;
- учить следить за предметом;
- учить подражанию;
- учить ребенка соблюдать очередность и ждать;
- учить ребенка действовать по сигналу (условно-двигательная реакция) (Леонгард и др., 2011).

После создания базы для взаимодействия, развивая слуховое внимание и понимание речи, с обеими группами детей необходимо изучать глаголы и обогащать словарный запас существительными (Сухова, 2023).

Заключение. Целью данного исследования было определение направлений коррекционной работы для детей, перенесших кохлеарную имплантацию, и детей с сенсорной алалией, исходя из сравнительного анализа нарушений в развитии. В ходе проведенной работы обнаружено, что у детей обеих нозологических групп нарушена не сама возможность развития речи, а преимущественно возможность обучаться речи на основе слухового восприятия, особенно, если прошел сенситивный период для становления речи. Поэтому работа с детьми раннего возраста по развитию слухового восприятия, а по сути, обучению мозга воспринимать звуки, крайне важна для эффективной коррекционной работы. Основой такой коррекционной работы должно быть всестороннее развитие ребенка, стимулирование его речевой активности и создание ситуации успеха.

Список литературы

- Белоусова, М. В., и Меркулова, В. А. (2016). Сенсорная алалия: речевой онтогенез, клинические проявления, подходы к диагностике и коррекции. *Практическая медицина*, 8 (100), 13–18.
- Богданова, Т. Г. (2002). *Сурдопсихология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений*. Издательский центр «Академия».
- Борозинец, Н. М., Шеховцова, Т. С., и Бугаева, Е. А. (2022). Условия формирования навыков коммуникации у детей с расстройствами аутистического спектра. *Специальное образование*, 1(65), 35–53.
- Визель, Т. Г., Клевцова, С. В., и Зайцева, С. А. (2019). Об особенностях развития речи у детей с нарушением слухового восприятия. *Специальное образование*, 4(56), 27–38.
- Волкова, Л. С. (Ред.). (2007). *Логопедия. Методическое наследие: пособие для логопедов и студ. дефектол. фак. пед. вузов в 5 кн.: кн. III: Системные нарушения речи: Алалия. Афазия*. Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС.
- Волкова, Л. С. (Ред.). (2009). *Логопедия: учебник для дефектологических факультетов педагогических вузов*. ВЛАДОС.
- Заболотная, А. М., Макарина-Кибак, Л. Э., и Гребень, С. А. (2013). Расстройство экспрессивной и рецептивной речи: от этиологии до лечения. *Медицинские новости*, 1, 44–49.
- Захарова, О. А. (2012). Коррекция алалии. Упреждающее воздействие на нарушенную речевую и психоречевую предпосылку. *Дошкольное воспитание*, 12, 88–96.
- Исаева, К. Ш. (2015). Логопедическая работа с детьми младшего дошкольного возраста с кохлеарным имплантом. *Педагогический опыт: теория, методика, практика*, 2, 263–266.
- Кабатина, Е. И., и Разуваева, Т. Н. (2018). Нейропсихологическая реабилитация как основа развития психических процессов у детей с сенсорной алалией. *Коллекция гуманитарных исследований*, 2, 53–58.
- Калачева, М. В., и Третьякова, Н. Ю. (2011). Значение работы по развитию слухового восприятия в познании окружающего мира глухими детьми. *Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания*, 6, 120–124.
- Королева, И. В. (2008). Этапы развития слухоречевого восприятия и речи у ранооглохших детей с кохлеарным имплантом. *Российская оториноларингология*, 1, 11–20.
- Королева, И. В., и Янн, П. (2011). *Дети с нарушениями слуха*. Каро.

Красноперова, Я. А., и Игнатьев, А. Е. (2019). Характеристика форм алалии. В *Социально-педагогическая поддержка лиц с ограниченными возможностями здоровья: теория и практика: сборник статей по материалам III Международной научно-практической конференции* (С. 19–21). ИТ «АРИАЛ».

Ларина, И. П. (2022). *Современные представления о психическом развитии детей с кохлеарными имплантами в зарубежной науке: Монография*. Издательство «Спутник+».

Леонгард, Э. И., Самсонова, Е. Г., и Иванова, Е. А. (2011). *Нормализация условий воспитания и обучения детей с ограниченными возможностями в условиях инклюзивного образования. Что важно знать родителям, воспитателям и учителям при обучении и воспитании детей с нарушением слуха*. МГППУ.

Русинова, Ю. А. (2020). Инклюзия: особенности обучения детей с кохлеарными имплантами в условиях общеобразовательного учреждения. В *Сурдопедагог: историко-дидактические аспекты и перспективы профессиональной подготовки: Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции* (С. 76–83). Центр научно-информационных технологий «Астерион».

Сухова, О. (2023). *Слушать интересно! Как и зачем учить ребенка слушать?* Феникс.

Теплякова, Е. С. (2014). Индивидуализация обучения детей на коррекционно-логопедических занятиях. *Ярославский педагогический вестник*, 2(2), 184–188.

Туфатулин, Г. Ш., Королева, И. В., и Мефодовская, Е. К. (2021). Эпидемиология нарушений слуха у детей: распространенность, структура, аспекты слухопротезирования и социальные факторы. *Вестник оториноларингологии*, 86(3), 28–35.

Филиппова, Н. В., Барыльник, Ю. Б., Деева, М. А., и Кормилица, А. С. (2016). Клиники-диагностические аспекты задержек психического развития в детском возрасте. *Вопросы психического здоровья детей и подростков*, 4, 89.

Arfè, B. (2011). Analogic and symbolic comparison of numerosity in preschool children with cochlear implants. *Deafness & Education International*, 13(1), 34–45. <https://doi.org/10.1179/1557069X11Y.0000000002>

Bichey, B. G., & Miyamoto, R. T. (2008). Outcomes in bilateral cochlear implantation. *Otolaryngology-Head and Neck Surgery*, 138(5), 655–661. <https://doi.org/10.1016/j.otohns.2007.12.020>

Bunford, N., Evans, S. W., Becker, S. P., & Langberg, J. M. (2015). Attention-deficit/hyperactivity disorder and social skills in youth: A moderated mediation model of emotion dysregulation and depression. *Journal of abnormal child psychology*, 43(2), 283–296. <https://doi.org/10.1007/s10802-014-9909-2>

Carriere, B. N., Royal, D. W., Perrault, T. J., Morrison, S. P., Vaughan, J. W., Stein, B. E., & Wallace, M. T. (2007). Visual deprivation alters the development of cortical multisensory integration. *Journal of neurophysiology*, 98(5), 2858–2867. <https://doi.org/10.1152/jn.00587.2007>

Geers, A., Brenner, C., & Davidson, L. (2003). Factors associated with development of speech perception skills in children implanted by age five. *Ear and hearing*, 24(1 Suppl), 24–35. <https://doi.org/10.1097/01.AUD.0000051687.99218.0F>

Hillock, A. R., Powers, A. R., & Wallace, M. T. (2011). Binding of sights and sounds: age-related changes in multisensory temporal processing. *Neuropsychologia*, 49(3), 461–467. <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2010.11.041>

Khan, S., Edwards, L., & Langdon, D. (2005). The cognition and behaviour of children with cochlear implants, children with hearing aids and their hearing peers: a comparison. *Audiology & neuro-otology*, 10(2), 117–126. <https://doi.org/10.1159/000083367>

Lewkowicz, D. J., & Ghazanfar, A. A. (2009). The emergence of multisensory systems through perceptual narrowing. *Trends in cognitive sciences*, 13(11), 470–478. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2009.08.004>

Pisoni, D. B., Conway, C. M., Kronenberger, W. G., Henning, S., & Anaya, E. (2010). Executive function, cognitive control, and sequence learning in deaf children with cochlear implants. In M. Marschark & P. E. Spencer (Eds.) *Deaf Studies, Language, and Education* (pp. 439–457). Oxford University Press.

Polley, D. B., Hillock, A. R., Spankovich, C., Popescu, M. V., Royal, D. W., & Wallace, M. T. (2008). Development and plasticity of intra- and intersensory information processing. *Journal of the American Academy of Audiology*, 19(10), 780–798. <https://doi.org/10.3766/jaaa.19.10.6>

Svirsky, M. A., Teoh, S. W., & Neuburger, H. (2004). Development of language and speech perception in congenitally, profoundly deaf children as a function of age at cochlear implantation. *Audiology & neuro-otology*, 9(4), 224–233. <https://doi.org/10.1159/000078392>

Wightman, F., Kistler, D., & Brungart, D. (2006). Informational masking of speech in children: auditory-visual integration. *The Journal of the Acoustical Society of America*, 119(6), 3940–3949. <https://doi.org/10.1121/1.2195121>

References

Arfè, B. (2011). Analogic and symbolic comparison of numerosity in preschool children with cochlear implants. *Deafness & Education International*, 13(1), 34–45. <https://doi.org/10.1179/1557069X11Y.0000000002>

Bichey, B. G., & Miyamoto, R. T. (2008). Outcomes in bilateral cochlear implantation. *Otolaryngology-Head and Neck Surgery*, 138(5), 655–661. <https://doi.org/10.1016/j.otohns.2007.12.020>

Belousova, M. V., & Merkulova, V. A. (2016). Sensory alalia: speech ontogenesis, clinical manifestations, approaches to diagnosis and correction. *Practical Medicine*, 8(100), 13–18. (In Russ.)

- Bogdanova, T. G. (2002). *Deaf Psychology: textbook for students. Higher educational institutions*. Academy Publishing Center. (In Russ.)
- Borozinets, N. M., Shekhovtsova, T. S., & Bugayeva, E. A. (2022). Conditions for the formation of communication skills in children with autism spectrum disorders. *Special Education*, 1(65), 35–53. (In Russ.)
- Bunford, N., Evans, S. W., Becker, S. P., & Langberg, J. M. (2015). Attention-deficit/hyperactivity disorder and social skills in youth: A moderated mediation model of emotion dysregulation and depression. *Journal of abnormal child psychology*, 43(2), 283–296. <https://doi.org/10.1007/s10802-014-9909-2>
- Carriere, B. N., Royal, D. W., Perrault, T. J., Morrison, S. P., Vaughan, J. W., Stein, B. E., & Wallace, M. T. (2007). Visual deprivation alters the development of cortical multisensory integration. *Journal of neurophysiology*, 98(5), 2858–2867. <https://doi.org/10.1152/jn.00587.2007>
- Filippova, N. V., Baryl'nik, Y. B., Deeva, M. A., & Kormilitsa, A. S. (2016). Clinical-diagnostic aspects of mental developmental delays in childhood. *Issues of mental health of children and adolescents*, 4, 89. (In Russ.)
- Geers, A., Brenner, C., & Davidson, L. (2003). Factors associated with development of speech perception skills in children implanted by age five. *Ear and hearing*, 24(1 Suppl), 24–35. <https://doi.org/10.1097/01.AUD.0000051687.99218.0F>
- Hillock, A. R., Powers, A. R., & Wallace, M. T. (2011). Binding of sights and sounds: age-related changes in multisensory temporal processing. *Neuropsychologia*, 49(3), 461–467. <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2010.11.041>
- Isayeva, K. Sh. (2015). Logopedic work with younger preschool children with a cochlear implant. *Pedagogical experience: theory, methodology, practice*, 2, 263–266. (In Russ.)
- Kabatina, E. I., & Razuvaeva, T. N. (2018). Neuropsychological rehabilitation as a basis for the development of mental processes in children with sensory alalia. *Humanities Research Collection*, 2, 53–58. (In Russ.)
- Kalacheva, M. V., & Tretyakova, N. Y. (2011). The significance of work on the development of auditory perception in the cognition of the surrounding world by deaf children. *Intellectual potential of the XXI century: stages of cognition*, 6, 120–124. (In Russ.)
- Koroleva, I. V. (2008). Stages of development of auditory-verbal perception and speech in early deafened children with cochlear implant. *Russian Otorhinolaryngology*, 1, 11–20. (In Russ.)
- Koroleva, I. V., & Jann, P. (2011). *Children with hearing impairment*. Caro.
- Krasnoperova, Y. A., & Ignatiev, A. E. (2019). Characterization of forms of alalia. In *Socio-pedagogical support of persons with disabilities: theory and practice: collection of articles on the materials of the III International Scientific and Practical Conference* (P. 19–21). IT “ARIAL”. (In Russ.)
- Khan, S., Edwards, L., & Langdon, D. (2005). The cognition and behavior of children with cochlear implants, children with hearing aids and their hearing peers: a comparison. *Audiology & neuro-otology*, 10(2), 117–126. <https://doi.org/10.1159/000083367>
- Lewkowicz, D. J., & Ghazanfar, A. A. (2009). The emergence of multisensory systems through perceptual narrowing. *Trends in cognitive sciences*, 13(11), 470–478. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2009.08.004>
- Larina, I. P. (2022). *Modern ideas about the mental development of children with cochlear implants in foreign science: Monograph*. Sputnik+ Publishing House. (In Russ.)
- Leonhard, E. I., Samsonova, E. G., & Ivanova, E. A. (2011). *Normalization of conditions of upbringing and education of children with disabilities in the conditions of inclusive education. What is important for parents, educators and teachers to know when teaching and training children with hearing impairment*. MOSCOW STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY. (In Russ.)
- Pisoni, D. B., Conway, C. M., Kronenberger, W. G., Henning, S., & Anaya, E. (2010). Executive function, cognitive control, and sequence learning in deaf children with cochlear implants. In M. Marschark & P. E. Spencer (Eds.) *Deaf Studies, Language, and Education* (pp. 439–457). Oxford University Press.
- Polley, D. B., Hillock, A. R., Spankovich, C., Popescu, M. V., Royal, D. W., & Wallace, M. T. (2008). Development and plasticity of intra- and intersensory information processing. *Journal of the American Academy of Audiology*, 19(10), 780–798. <https://doi.org/10.3766/jaaa.19.10.6>
- Rusinova, Y. A. (2020). Inclusion: peculiarities of teaching children with cochlear implants in the conditions of a general educational institution. In *Deaf teacher: historical and didactic aspects and prospects of professional training: Collection of scientific articles on the materials of the All-Russian scientific-practical conference* (P. 76–83). Center of Scientific and Information Technologies “Asterion”. (In Russ.)
- Svirsky, M. A., Teoh, S. W., & Neuburger, H. (2004). Development of language and speech perception in congenitally, profoundly deaf children as a function of age at cochlear implantation. *Audiology & neuro-otology*, 9(4), 224–233. <https://doi.org/10.1159/000078392>
- Sukhova, O. (2023). *It is interesting to listen! How and why to teach a child to listen?* Phoenix. (In Russ.)
- Teplyakova, E. S. (2014). Individualization of children's learning at correctional and speech therapy classes. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2(2), 184–188. (In Russ.)

- Tufatulin, G. Sh., Koroleva, I. V., & Mefodovskaya, E. K. (2021). Epidemiology of hearing impairment in children: prevalence, structure, aspects of hearing loss and social factors. *Bulletin of Otorhinolaryngology*, 86(3), 28–35. (In Russ.)
- Volkova, L. S. (Ed.). (2007). *Logopedia. Methodical heritage: manual for speech therapists and students of defectol. fact. ped. universities in 5 books: Book III: Systemic speech disorders: Alalia. Aphasia*. VLADOS Humanitarian Publishing Center. (In Russ.)
- Volkova, L. S. (Ed.). (2009). *Logopedia: textbook for defectology faculties of pedagogical universities*. VLADOS. (In Russ.)
- Wightman, F., Kistler, D., & Brungart, D. (2006). Informational masking of speech in children: auditory-visual integration. *The Journal of the Acoustical Society of America*, 119(6), 3940–3949. <https://doi.org/10.1121/1.2195121>
- Wiesel, T. G., Klevtsova, S. V., & Zaitseva, S. A. (2019). On the peculiarities of speech development in children with auditory perception disorder. *Special Education*, 4(56), 27–38. (In Russ.)
- Zabolotnaya, A. M., Makarina-Kibak, L. E., & Greben, S. A. (2013). Expressive and receptive speech disorders: from etiology to treatment. *Medical News*, 1, 44–49. (In Russ.)
- Zakharova, O. A. (2012). Correction of alalia. Proactive impact on the disturbed speech and psycho- speech prerequisite. *Preschool Education*, 12, 88–96. (In Russ.)

Об авторе:

Елена Валерьевна Гришина, магистрант, Южный федеральный университет (Российская Федерация, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42), [ORCID](#), Elfhiyca@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Elena Valeryevna Grishina, Master's student, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation), [ORCID](#), Elfhiyca@mail.ru

Conflict of interest: The author does not have any conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 20.08.2024

Поступила после рецензирования / Revised 10.10.2024

Принята к публикации / Accepted 11.10.2024